

ОЛЕГ БОРИСЕНКО

**НА ИВС
ПРЕКРАСНАЯ
ПОГОДА**

**СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ**

18+

Олег Борисенко

На ИВС прекрасная погода

«ЛитРес: Самиздат»

2003

Борисенко О. А.

На ИВС прекрасная погода / О. А. Борисенко — «ЛитРес: Самиздат», 2003

ISBN 978-5-5321-0610-9

Повесть изначально называлась "Байки из КПЗ, или Записки вечного кума". Но впоследствии автор изменил название. Это юмор. Повествование о сложных взаимоотношениях преступного мира с охраной. Реквием по действительно народной и безвременной ушедшей милиции. Сюжеты службы переплетаются с охотой и рыбалкой на просторах акватории Оби. Повесть - не автобиография. Образ главного героя сборный. Рассказ идет о тех милиционерах и арестованных, которые ныне, как музейные экземпляры, встречаются весьма редко. Фотография на обложке и все рисунки в книге автора. Содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-5321-0610-9

© Борисенко О. А., 2003
© ЛитРес: Самиздат, 2003

Содержание

От автора	6
Глава 1	8
Глава 2	11
Глава 3	16
Глава 4	19
Глава 5	24
Глава 6	27
Глава 7	29
Глава 8	36
Глава 9	39
Глава 10	42
Глава 11	45
Глава 12	51
Глава 13	54
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Безвременно ушедшей народной милиции посвящается...

ВНИМАНИЕ!

Все даты, фамилии, названия поселков и городов бессовестно изменены автором. В связи с этим любые совпадения считать нелепой случайностью!

От автора

Здравствуй, дорогой читатель!

Пытаясь осветить нижеописанные события литературным языком, я пришел к выводу, что сделать последнее практически невозможно. Видимо, жизнь арестованных и служба милиционеров в условиях изоляции от общества так сложна и своеобразна, что, не применяя жаргон, нельзя раскрыть ни одного случая из многогранного и своеобразного мира...

Как мог, я все-таки постарался уберечь свое творение от излишней пошлости.

Сразу же желаю предупредить читателя о том, что ни грамма истины в повествовании нет! Да, да, это просто побасенки, которые на протяжении ряда лет передаются из уст в уста зеками и охранниками, обрастая новыми и новыми подробностями, плавно переходя в легенду...

Смею напомнить, что в изоляторах сидят и служат такие же люди, как мы с вами, и по этой самой причине они ничем не отличаются от остальной массы российского народа. Человек обязан оставаться человеком при любых жизненных обстоятельствах, если, конечно, он не скотина.

Я не ставил перед собой задачу восхвалять и рекламировать «прелести» преступного мира или доказывать читателю о существовании кучки милиционеров, которые борются с коррупцией в нашем демократическом мире... Про все это издано множество художественной литературы.

Моя же книжка про серую, но нескучную жизнь за железными дверями. Изолятора временного содержания (ИВС).

«Что за бред?» – удивитесь Вы, читая книжку.

Да, действительно, медведи и тем более блохи в подобного рода произведениях других авторов разговаривать не умеют! А у меня умеют, и сколько бы меня за это ни критиковали, я никогда не закрою рот блохе, которая изрекает правду!

Прошу не обвинять меня в плагиате, потому что все, что здесь описывается, не вычитано в журналах и газетах, а услышано от сослуживцев и арестантов за годы службы.

Некоторые эпизоды происходили при моем непосредственном участии. Не кривя душой, поспешу признаться, что пару случаев я просто сочинил...

А все-таки, в глубине души, наивно смею надеяться, что мой читатель не будет критически относиться к некоторым погрешностям в области литературы и смешиванию жанров. Тем более что я не ставил перед собой цель заработать денег на дешевых трюках или попасть в разряд читаемых писателей.

Эти записи – просто письменное изложение слов моей памяти. Воспоминания о двадцатидевятилетней службе, сослуживцах, зеках, которые были яркими личностями и оставили теплый след в моей душе...

И если милиционер на посту, осужденный на нарах, военнослужащий или просто человек в пассажирском вагоне, взяв книжку в руки, хоть один раз от души рассмеется вслух, напугав при этом окружающих, то цели я своей достиг.

Еще раз напоминая, что все совпадения случайны, я приглашаю читателя на недолгую экскурсию в район, приравненный к условиям Крайнего Севера!

Рисунки автора

Глава 1

*И. о. начальника ИВС майору милиции Барсукову О. А.
от подследственного Егоркина В. Г., камера N2*

Заявление

*Прошу дать возможность произвести закупку товаров первой необходимости и продуктов питания на рынке нашего города. Так как являясь лицом ранее не судимым, имеющим постоянную прописку, я обязуюсь вернуться в назначенный Вами срок. В моей просьбе прошу не отказать.
Егоркин*

Майор, вникнув в суть заявления, даже не улыбнулся.

В изоляторе человек с умственными отклонениями всегда является объектом развлечения сокамерников. Именно поэтому в очередной раз четырежды судимый подследственный Романов продиктовал «первоходу» Егоркину текст заявления, и камера стала ждать реакции администрации.

Каждодневные заявления и жалобы, написанные Васей Егоркиным под диктовку резвящихся арестантов, начали доставать кума (оперативный работник в спецучреждениях) ИВС, который временно исполнял обязанности начальника изолятора, по случаю увольнения последнего на пенсию.

Вася Егоркин месяц назад изнасиловал на железнодорожных путях семидесятилетнюю женщину, собиравшую уголь.

Глядишь, и не подала бы довольная случаем, пожилая покорительница Советского Севера заявление, если бы пьяный Вася не отобрал у нее напоследок ведро с углем.

Он представился начальником станции и после полового акта заявил обезумевшей от счастья даме: «На перший раз, бабка, я тебя просто снасильничал! А еще раз на путях поймаю, получишь по морде!» – с этими словами «сексуальный маньяк» скрылся с ведром в темноте, а женщина, обидевшись больше за «бабку» и за отобранное имущество, чем за насилие, поплелась в милицию...

«Яка я бабка? Я ашо ничаго! Я можа камасютру наизусть знаю, а ён “бабка”! Ишь, паршивец!» – возмущалась она, «рисуя» под диктовку участкового заявление в прокуратуру.

Так и пошел по делу Василий двумя эпизодами: изнасилование и грабеж.

В камере ему за неравный половой союз, естественно, «предъявлять» не стали, но Васек навсегда стал всеобщим посмешищем.

Арестованный Егоркин жаловался на ГКЧП, на директора МПС, требовал и категорически настаивал выплатить денежную компенсацию за его необоснованное содержание в изоляторе. Он по поводу и без повода долбился в робот (двери камеры) и требовал, чтобы ему сообщили исходящий номер очередной жалобы.

Обитателей подвала лихорадило от удовольствия. Отвернувшись в угол, сокамерники глушили ладошками вырывающийся смех. И только объект общего внимания, по случаю официального диагноза «вяло текущая шизофрения», твердо верил в искренность написанного.

В кабинет начальника ИВС зашел Юрка – командир конвойного взвода, молодой, подающий надежды старший лейтенант.

Майор молча протянул ему кусок бумаги, на котором был виден каллиграфический почерк придурка.

– Будем давать официальный ответ, – объявил, надевая очки, Барсуков.

– Кому? Этому гусагону? – искренне удивился Юрик.

– Зови Зину, пусть садится за машинку, я продиктую, – изрек, распечатывая пачку сигарет, кум.

Зина, единственная женщина в конвойном отделении, не замечая черного юмора своего начальника, молча уселась за машинку и стала ждать, когда майор соберется с мыслями.

«Господину Егоркину В. Г.

Копия:

1. Госдума РФ.

2. МПС» – продиктовал кум, крутясь на стуле.

Зина застучала клавишами.

Юрик, слушая вполуха, заполнял журнал плана работ на сутки.

ИЗВЕЩЕНИЕ

Настоящим извещением спешу уведомить Вас, что Ваше заявление направлено для рассмотрения в Государственную Думу Российской Федерации, но в связи с летними каникулами депутатов этот вопрос несколько затягивается. Руководством ИВС, учитывая особую важность Ваших заявлений, приняты все меры по устранению указанных Вами недостатков:

1. Снят премьер-министр Степашин С. В.

2. Отстранен от должности генеральный прокурор Скуратов.

3. Директор МПС лишен квартальной премии.

4. Смотрящий за ИВС подследственный Кузнецов лишен продуктовой передачи.

По поводу получения компенсации за моральный ущерб поясняю, что компенсацию Вы получите по адресу:

г. Екатеринбург, СИЗО-1, камера 507

не позднее 16 августа 1998 года.

Пятнадцатого августа шел из Приобья в Свердловск столыпин, и майор планировал отpravку этапа, а Егоркин был самым первым кандидатом на этап.

Барсуков, ехидно улыбнувшись, продолжил:

В отношении вопроса о выезде на территорию городского рынка для приобретения товара первой необходимости с сожалением поясняю, что весь бензин отправили в братскую Югославию для заправки Натовских бомбардировщиков. Но в скором времени в отдел внутренних дел нашего города поступят самокаты, один из них будет предоставлен Вам незамедлительно. Убедительно просим не тасоваться и не топтать по камере, так как Ваши действия мешают прослушивать, приборы зашкаливают и запись получается некачественная!..

С уважением,

майор Барсуков О. А.

– Все, – произнес майор и самодовольно крутнулся на стуле.

Он вызвал к себе дежурного по ИВС.

– Отдай Егоркину, пусть нацарапает, что ознакомлен, – распорядился кум.

Дежурный ушел, а через несколько минут из второй камеры раздался дружный хохот, который продолжался минут пять. Громче всех гоготал арестованный Романов. После того как

арестованные вволю навеселились, в дверь камеры постучали и человек с официальным диагнозом «вяло текущая шизофрения» подал в кормушку подошедшему постовому извещение с его подписью об ознакомлении.

На следующее утро сменяющийся наряд впервые за это время не принес заявления от Егоркина...

Ночью ушел этап, а вместе с ним и писака.

Глава 2

Зато поступило заявление от подследственного Кузнецова.

И. о. начальника ИВС майору милиции Барсукову О. А. от следственно-арестованного Кузнецова В. С., ст. 158 УК РФ, камера N 8

Заявление

В связи с беспричинным лишением меня продуктовой передачи, с 15 августа сего года я вынужден объявить голодовку и отказываюсь принимать пищу до прихода прокурора.

Следственно-арестованный Кузнецов

Начиналось обычное рабочее утро в изоляторе временного содержания районного центра на Крайнем Севере Тюменской области.

Майор прикурил сигарету и мило, по-детски улыбнулся.

Арестованный Романов, пользуясь случаем, решил разыграть друга. Вчера вечером Романов «вылез на лысого» (лампочка в нише) и крикнул по продолу:

– Кузя!.. Тебя кум дачки лишил!

– А за что?! – справился в ответ Кузя.

– Хрен его знает! Какой-то директор МПС пожаловался!

– А че такое МПС?! – поинтересовался смотрящий.

Но узнать «че такое МПС?» Кузнецов не успел, так как подошедший постовой деревянной кувалдой начал исполнять полонез Огинского на железной двери Кузиной камеры.

Вовка Кузнецов еще во времена Советского Союза был признан народным судом особо опасным рецидивистом, но на путь исправления вставать не собирался. С детства хлебнувший отеческое тепло Алма-Атинской спецшколы, Петропавловской трудовой колонии для несовершеннолетних (ПТКН), он был все-таки призван в ряды Красной армии. И родина щедро довела ему совковую лопату, определив в показательную строительную часть.

Вовчику дисциплинированным солдатом продержаться удалось всего шесть месяцев. После чего он угодил на полтора года в Карагандинский дисциплинарный батальон.

К этому времени Вовкина грудь, спина, ноги и руки были похожи на картинную галерею Третьяковки. Купола церквей, мадонна с ребенком, ангелочки с луками, ножи, черепа и еще всякая дребедень плотно покрыла Кузину шкуру. Короче, Вован стал «синим по каблучки».

Дембель он так и не дождался. Потому что, повздорив с сержантом, разбил ему голову армейским табуретом. За что, получив новый срок, угодил из дисциплинарного батальона в ИТК усиленного режима.

Там и научился Кузя кустарить, мастерить, выкручиваться в лагерной жизни.

В общем, жизнь его сделала специалистом широкого профиля: «Шить, косить, у баб просить», – как шутил он сам.

В последующем кустарные навыки Кузе оченьгодились. Он стал квалифицированным гостиничным вором. Способ был предельно прост. Кузнецов, используя поддельный паспорт, снимал в любой гостинице нашей необъятной страны самый шикарный номер. За ночь вытаскивал дубликат ключа, а потом переезжал, сославшись на безденежье, в другие, более скромные апартаменты, дожидаясь, когда в оставленный им номер заселится богатенький Буратино.

Вынести шмотки из люкса было уже плевым делом.

Он «встрял» в одной из гостиниц Свердловска и был отправлен в Сосьвинский лагерь строгого режима. Далее было ИТК-6 города Ишима, после города Сургута, Нижневартовска. В итоге Кузя был признан ООР и угодил в ИТК-3 особого режима Ямало-Ненецкого автономного округа.

Сам по себе Вовчик был общительным и добрейшим человеком. Годы отсидок не убили, а, наоборот, развили в нем человечность и порядочность по отношению к окружающим. Будучи смотрящим за ИВС, Кузя строго следил за внутренним миром подвала и не давал в обиду никого. К нему обращались за советами. Барсуков часто вызывал Кузнецова на беседы, где они болтали о лагерях и пересылках, когда-то посещаемых обоими.

Их объединяла ностальгия: майор служил полжизни, а Кузя столько же сидел.

Искренне майору было жаль бродягу, которого неумолимая система правосудия, вопреки здравому смыслу, стремилась затолкать обратно в лагерь.

Кузя по делу был в полном отказе. Ему вешали кражу фарша из поселковой столовой. Ни много ни мало, а аж двадцать пять кг. При обыске у Кузи в холодильнике обнаружили и изъяли пять килограммов мяса. Следователь не моргнув глазом вышел на суд с арестом, прокурор поддержал, а судья, можно сказать, подмахнула постановление не читая. Каким образом фарш превратился заново в мясо, никого кроме Барсукова не интересовало. То есть украл Кузя фарш, а нашли у него в холодильнике неопровержимую улику – ляжку мяса. Но стране нужны были показатели в борьбе с особо опасными рецидивистами, и кувалда правоохранительной системы торжественно опустилась на Вовкину голову.

Майор был приколистом и, как-то готовя Кузю на этап, притащил ему в ИВС огромную, потертую, дорожную сумку, с которой еще сам шарился по командировкам в армии. Вовчик, недоуменно глянув на кума, поинтересовался:

– А на хрена мне эта мечта оккупанта?

– Ты ж на голяках едешь, а в транзитке всегда народа битком, мест нет, но встречаются, поверь мне, и по баулу. Положи туда матрац с подушкой. Братва сфотографирует тебя на пороге и место предложит в надежде пожить харчами, – улыбнулся майор, – бери, бери, менты плохого не посоветуют.

Вернувшись с этапа, Кузя долго благодарил Барсукова.

– Встречали меня на пересылках как Господь заблудшего сына, только сумку твою увидят, так с разных углов хаты и кричат: «Давай к нам, братан! Давай к нам!» Я по шконарю матрац раскатаю, и сумарь пустой. У братвы от такого расклада хлебoreзки наперекос. Но дело сделано, уже не прогонят, раз предложили, заднюю скорость включать поздно, нужно потесниться. Спасибо тебе, Анатолич, сколько катаюсь, в жизни бы без тебя не додумался.

Так, можно сказать, и сдружились Кузя с майором. На кичмане добро не забывают.

– Давай Кузнецова, – приказал Барсуков дежурному и начал опять крутиться на стуле.

Майору стул определенно нравился – мягкий, удобный.

Стул улучшенной комфортности появился после того, как полгода назад один из банковских работников, переев в ресторане черной икры, рыгнул на сидевшую рядом парочку.

Новому русскому дали 15 суток административного ареста.

Камерные клопы, привыкшие к постной и нежирной пище, были приятно удивлены появлением в камере административно задержанных, среди исхудалых бомжей, толстенького, вкусненького, пахнущего «Хеден шолдерс» новичка. В первую же ночь, надыбав банкира на нарах, клопное войско перешло в крупномасштабное наступление.

Тюремные насекомые сыпались на него кучками, кусали и грызли.

Банковский работник метался по камере как бзык, попавший в спичечный коробок юного натуралиста. А когда наступило долгожданное утро, он с первыми лучами солнца предстал перед начальником изолятора.

Начальник, выслушав доводы покусанного банкира, пообещал отпустить его на сутки раньше, если новый русский будет вести себя хорошо.

Назад в камеру, где искусанное и расцарапанное тело ждало полчище голодных клопов, банкир не хотел. Его совершенно не устраивало провести четырнадцать оставшихся ночей в блошином окружении.

В итоге появилось следующее.

Начальнику ОВД

ЗАЯВЛЕНИЕ

Акционерное общество закрытого типа «СЕЛЕНА» в связи с излишком технических средств добровольно желает оказать шефскую помощь отделу внутренних дел нашего города и выделить ИВС Вашего ОВД следующее:

<i>н/п-п</i>	<i>Наименование</i>	<i>Количество</i>	<i>Стоимость</i>
1.	<i>Стол одностумбовый</i>	<i>1 (один) шт.</i>	<i>800 руб.</i>
2.	<i>Стул с велюровой обшивкой улучшенной комфортности</i>	<i>1 (один) шт.</i>	<i>400 руб.</i>
3.	<i>Телефон «Панасоник»</i>	<i>1 (один) шт.</i>	<i>700 руб.</i>
4.	<i>Комплект поршней</i>	<i>1 (один) компл.</i>	<i>950 руб.</i>

Учитывая тяжелое финансовое положение Российской милиции, характер выполняемой Вами нужной и благородной миссии, наше акционерное общество радо и впредь оказывать посильную помощь в Вашем нелегком, но нужном труде.

Председатель   подпись

Бухгалтер   подпись

печать

Больше банковские работники в ИВС не попадали и своим вниманием родную российскую милицию не баловали. Вся правоохранительная система необъятной и нищей страны, как и ИВС нашего ОВД, несла свою благородную миссию без братской помощи новых русских. А как светлая, добрая память о любителе черной икры сиял в кабинете стул, на котором, крутясь, как школьник у пианино, ждал майор полосатика Кузю.

Глава 3

В кабинет кума ИВС арестованный Кузнецов вошел твердой революционной походкой, рисуя в своем зековском воображении бывалого каторжанина.

Кузя без приглашения упал на стул и, закинув ногу на ногу, вызывающе посмотрел в глаза оперативнику.

– Ну что? Синепузый! Как дела? – осведомился Барсуков.

– Как на даче, ни письма, ни передачи! – буркнул в ответ Кузя.

– Ты что, со шконоря ночью долбанулся? – поинтересовался майор, улыбаясь.

– Вы меня на дачку кинули, – начал было Кузя, но был внезапно перебит истерическим хохотом кума.

Барсуков наконец-то вкурил о причине Кузиной голодовки и теперь думал лишь об одном: чтобы не намочить штаны со смеху.

Кузнецов, чувствуя себя борцом за справедливость, сидел с гордым видом, как вождь Ирокезов. Он уже понял, что купился на чью-то злую шутку, но отступить было некуда.

Майор, окончив смеяться, развалился с покрасневшей рожей на стуле и, поворачиваясь в разные стороны, думал, что же сказать этому «пересидевшему» борцу за права всех обездоленных – арестанту.

– Вовчик. – называя Кузю по имени, задумчиво произнес хозяин кабинета.

– Слушаю, – буркнул гость.

– Тебе никто дачек не приносит, не один ли хрен: лишат тебя ее или нет.

– Тут дело принципа, – гордо отпарировал Вова, расправляя плечи.

Кум, встав из-за стола, молча протянул Кузнецову извещение с подписью Егоркина.

Лицо Кузи по мере поглощения строчек делалось добрее и добрее.

На середине прочитанного взгляд у смотрящего за ИВС стал добрым, как у Санта-Клауса. Ну а последние строчки Кузя уже не видел из-за слез, вызванных судорожным смехом.

Прочитав извещение, Вовчик, вспомнив о Романове, беззлобно бросил:

– Я Рыжего на этапе выловлю и щелбанов наставлю! Приколист хренов, чуть из-за него с голоду не помер, на пайку в обед пролетел, – вздохнул положенец подвала.

Пока Кузя читал жалобу Егоркина, майор, улыбаясь, стучал по клавишам печатной машинки. Закончив печатать, он с серьезным выражением лица осведомился:

– Ты мне завещание напишешь?

– Какое? – вопросом на вопрос поинтересовался Кузнецов, не ожидая подвоха.

– Ну, так, мол, и так, если я нечаянно надую лапы, не выдержав беспричинной голодовки, то завещаю майору милиции Барсукову свою кожу с портаками!

– На хрена она вам сдалась, Анатолич? – улыбнулся Кузя.

– Абажур для настольной лампы смастерю, как в Бухенвальде! – расхохотался майор.

– Хрен дождетесь! – проворчал Кузя, пряча за спину исколотые руки.

– Ну, на, тогда распишись и шлепай в камеру! – объявил кум ИВС, протягивая листок арестанту.

Кузя прочитал текст и, расхохотавшись, сунул бумагу в карман шортов.

– В хате приколюсь, – объяснил он, выходя из кабинета.

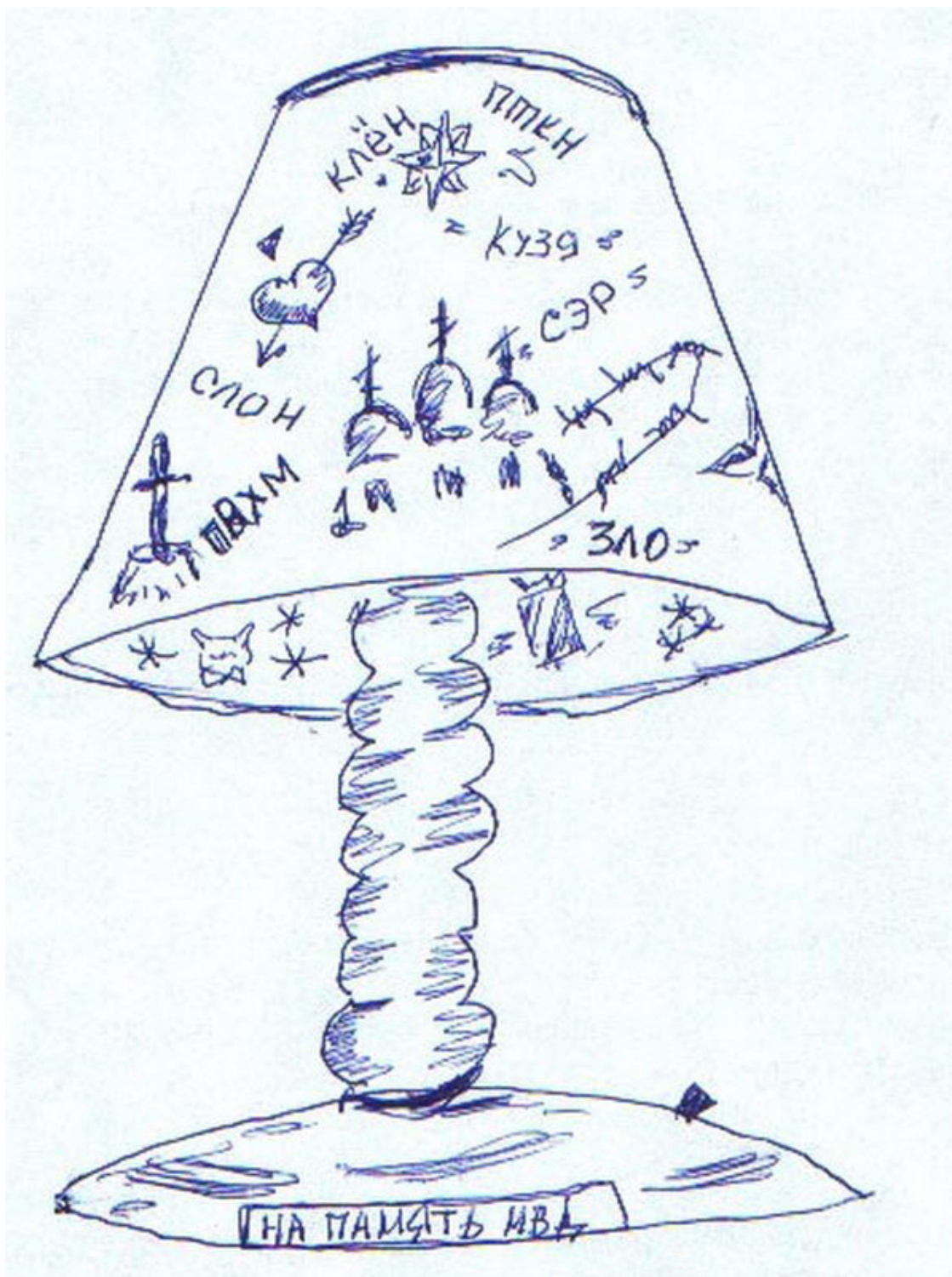
Дежурный отвел его в камеру. Кузнецов же, сев на шконку и достав листок бумаги, громко на всю хату прочел:

Смотрящему за городом от смотрящего за ИВС Кузнецова В. С.

Заявление

Батя, прошу перевести меня с должности смотрящего за ИВС на должность подсматривающего за передачами. Так как я в натуре устал от интриг кума, который после моей смерти хочет продать мою шкуру в музей творчества народов Севера для изготовления чучела и личного обогащения!
Кузя

Глава 4

Следующее утро началось, как всегда, с рассмотрения пачки заявлений в различные инстанции.

– Прошу вызвать адвоката Кашимова. – пробубнил майор и передал листочек с заявлением Юрику.

Юрка внимательно, как будто пытаюсь найти в нем тайну золота Колчака, осмотрел заявление и разочарованно кинул его в урну.

– В отпуске! – проговорил он при этом.

– Прошу вызвать следователя Ряшина, – зачитал вслух кум.

– В командировке, – сделал заключение Юрик, и заявление плавно опустилось в корзину для мусора.

– Прошу ознакомить меня с копией приговора, – продолжал Барсуков.

– Зина, зарегистрируй, – произнес Юрик и, отложив в сторону заявление, с грустью посмотрел на ведро под столом.

– Прошу выдать мне одноразовый станок, завтра суд, – читал майор.

– Ногтями пусть бреется! – радостно рявкнул Юрка, кинув заяву в урну.

– Прошу выдать мне ложку, – произнес майор.

– Ложку, трубку и жену не дам никому! – придумал ответ командир отделения, проделав с заявой то же самое.

– Прошу выдать нам ножницы для подстрижки, – проворчал кум.

– Четыре удара, восемь дырок! Не положено! – объяснил машинально Юрчик, торжественно опуская очередное заявление в корзину с мусором.

– Прошу выдать мне Уголовно-процессуальный кодекс для написания кассационной жалобы.

– Читай старые письма! – блестя глазами, рявкнул Юрик, протягивая руку к урне.

Но майор его опередил. Он вырвал почти налету заяву и внимательно ее осмотрел.

Это был маяк, арестованный просился на важную беседу.

Барсуков подмигнул Юрчику и сунул заявление в карман.

Зина, сидя за печатной машинкой, молча наблюдала за их титаническим трудом. Она знала, что адресатам попадет только процентов десять заявлений, а остальные будут любезно опущены Юриком в почтовый ящик, стоящий у края рабочего стола. Наконец-то час цензуры кончился, на столе осталось пяток заявлений, зато урна под Юркиным столом наполнилась чуть ли не до краев. Больше разбирать было нечего. Никто не угрожал голодовкой, никто не обещал вскрыть вены.

– Пятьдесят лет баскетболу! – двигая ногой полную заявлений мусорную корзину, пошутит Юрка.

Майор пошел в свой кабинет, который находился в камерном блоке.

Надо было выдать УПК человеку, который что-то хотел сказать куму.

Вызвав в кабинет любителя юридической литературы, Барсуков почерпнул новости ИВС за прошедшие сутки. А новости были довольно-таки разнообразные:

– Из третьей камеры пустили прогон, что новичок проиграл в шашки девять тысяч пинков и теперь его объявляют фуфлыжником.

– Романов кричал Кузе, что кого-то, когда-то, где-то обоссали, а он сухарится и сидит в общей хате.

– Арестованный Зимин боится ехать на этап, так как в СИЗО по вольным делам его ждут разборки.

После получения инструктажа собеседник майора вернулся в камеру с полными карманами сигарет «Прима» и лег спать, чтобы ночью приступить к вахте по фиксированию переговоров.

Для беседы Олег ежедневно вызывал человек по двадцать и, чередуя решение возникших проблем у арестованных со сбором оперативной информации, вел свою линию так, что слыл среди начальства и босоты человеком на своем месте.

Зная все движения в ИВС, характеристику почти каждого содержащегося, а то и имея компру на некоторых неугомонных, он умел построить работу так, что поднять бузу в подвале

было так же невозможно, как получить оправдательный приговор в период массовых репрессий.

Вычислить тех, кто стучит на Барсукова, было довольно трудным делом, так как, вызывая по пять-шесть человек из камеры в день, кум так путал мозги антикумам, что они сходили с ума в поисках подсадных.

Майор решил начать беседы с арестованными с Зимина.

Вызвав его в кабинет, Барсуков объявил, чтобы он собирался на этап. Хотя это не планировалось.

Зимин потемнел лицом и начал канючить, говоря о том, что у него нет теплых вещей, что он больной человек, и довел до кума еще несколько весомых доводов. Оперативник, внимательно выслушав Зимина, сделал озабоченное лицо.

– Я бы с удовольствием тебя оставил, но не могу: прокуратура давит, больше десяти суток находиться в ИВС нельзя!

– Что же мне делать? – справился зек.

– Есть один вариант, но это твое личное дело, – предложил ненавязчиво майор.

– А что надо? – вкрадчиво поинтересовался Зимин у Барсукова.

– Кража есть за тобой бензопилы в СУ-62, – ошарашил кум зека.

– Там же не доказывается, свидетелей нет, отпечатков. – начал было арестант. Но майор его перебил:

– Дело твое, нет доказательств и не надо, как говорится, хозяин – барин. Но если хочешь остаться, – продолжил милиционер, – послушай меня, как гинеколог гинекологу советую, грузись на пилу! Пока следственные действия проведут, ты еще на один месяц на КПЗ зависнешь!

– А других способов остаться нет? – спросил зек с надеждой.

– Нет, – отрезал Барсуков и отправил Зимина думать над заманчивым предложением.

А перспектива для Зимина создавалась следующая. Остаться в ИВС – значит получить срок на года два больше или уехать на этап и там потерять здоровье от кулаков своих недоброжелателей.

Кум давно знал, что за арестованным есть еще одна кража. Зимин сам проболтался в камере, но до поры до времени у опера не было возможности начинать его колотить. Как говорится, клиент тогда еще не созрел! Барсуков ждал момента и, кажется, дождался.

Следующей на беседу к Барсукову привели молодую девушку, осужденную по ст. 228.1 (хранение наркотиков).

Иринку Мухину Олег знал давно. Неописуемо красивая, статная девчонка, волей судьбы познакомившаяся с наркоманом со стажем, сама не заметила, как превратилась в зомби.

Жизнь Ирки полетела как в кошмаре.

Утром раскумариться, вечером подлечиться – на долгие годы стало целью ее существования.

Любила ли она своего сожителя Белю? Наверное, и сама-то Ирка не могла пояснить. Но однажды, при осмотре их жилища, был обнаружен наркотик, и Муха, не моргнув глазом, при понятых заявила следователю, что ханка принадлежит ей.

Так и покатила Иринина юность по этапам и пересылкам.

В конечном итоге Муха получила срок 3 года, а Беля остался на свободе.

Майор знал, что Ирка во время следствия – да и вчера на суде – так и не призналась, кому же по-настоящему принадлежали наркотики, тем самым отмазав от срока своего любимого.

– Что ты наделала, Ирка?! Он же пес неблагодарный! – возмутился кум, глядя в красивые глаза вошедшей осужденной.

– Вы не любили, вам не понять! – горько, с сарказмом в голосе откликнулась Мухина.

За долгие месяцы катания по этапам она давно перекумарила, снова набрав округлые черты и былую красоту.

– Не понять, кого обнять, – усмехнулся кум и добавил: – Ирка, если этот дятел тебе письма писать не будет, мне пиши, я ему быстро мозги вправлю. Таких, как ты, на руках нужно носить.

– А какой у тебя, Анатолич, адрес?

– ОВД, ИВС, Барсукову, – произнес Олег, немного подумав.

– Завтра этап, ехать на голяках неохотно, – поникшим голосом проговорила Иринка.

– У меня наверху пару баулов чая и сахара лежит, я тебе отдам на погрузке, – заверил девушку Барсуков.

– Мне немного осталось, я ведь, Анатолич, уже год и два месяца откаталась, – воспрянув духом, зашебетала Муха.

– Придет весна, и мы поженимся! – улыбнулся майор.

– И дочку Васей назовем! – поддержала шутку Ирка.

– А Белю? На мыло?

– На мыло! Слышь, Анатолич, а ты что, так один и живешь?

– Нет, у меня надувная баба есть, – рассмеялся от своей же шутки Барсуков.

– Где взял-то?

– Старшина мне на заказ из списанной камеры КА-700 склеил!

– И не стыдно тебе, Анатолич, всякую чепуху городишь! – слегка покраснев, произнесла, улыбаясь, Мухина.

– Я старый, мне можно.

– Какой же ты старый?! Ты еще ничего! – наигранно воскликнула Муха.

– Да, я парень неплохой, лишь мочуся и глухой, – согласился с доводами осужденной Олег.

– Ну вот опять хамишь, а я ведь на полном серьезе, – погрузнев, заявила Иринка.

– Это тебе с голодняку показалось, что я ничего. Попадешь в лагерь, там такие красавицы тусуются, что про мужиков и вспоминать не будешь.

– Нет, я этим делом не занимаюсь, – с обидой в голосе отвернулась Мухина.

– Ладно, Ирка, не обижайся. Просто я не первый год работаю и знаю, что у тебя отбоя не будет от коблов, ведь ты действительно красивая.

– Прямо уж Василиса Прекрасная, – жеманно пробубнила Муха.

Майор почувствовал, что попал собеседнице в самое сердце. И пока ее мотор был открыт для оперативного подхода, нужно было действовать.

– Ирка? А за что эту марамоёйку задержали, она же не украсть, не покараулить! – быстро, как будто невзначай, задал вопрос о сокамернице Барсуков.

– А?! Тыква! Она всю ночь, дура, проплакала, все твердит, что нагонят.

– Почему нагонят? – нагибаясь за упавшей ручкой, удивился кум.

– Она вещи с кражи сестре дала на хранение, а если вещей не найдут, то и кражу не докажут, – беспечно бросила Ирка и, посмотрев на Олега, внезапно прикрыв рот ладошкой, осознав, что сболтнула лишнее, замолчала. Но, увидав, как Барсуков, кряхтя, достает из-под стола якобы некстати упавшую авторучку, подумала: «Может, не услышал?»

– Че говоришь-то? – переспросил ее Барсуков, высовываясь из-под стола.

– Да так, не о чем я! – успокоилась Иринка.

Так они, «не о чем» поболтав полчаса, расстались, чтобы встретиться потом через год и десять месяцев.

А Зимин в камере думал, думал и думал.

Глава 5

В кабинет начальника ИВС Барсуков вошел часа четыре спустя и демонстративно бросил протокол явки с повинной на стол.

Зинин загрузился на свою кражу и получил гарантию неотправки ближайшим этапом.

– Юра, я пошел к начальнику КМ, отмечу полтора раскрытия на ИВС, – сказал кум.

Юрик под жужжание компьютера (он играл в авторалли) кивнул головой.

– Как «полтора»? – удивилась Зиночка.

– Одно есть, а по одному вещи надо изъять, – пояснил Барсуков.

– Полтора не бывает, – не согласилась с кумом конвоирша.

– У тебя, Зина, как у попа, с дробями плоховато!

– У какого попа? – не поняла Зиночка.

– Из анекдота.

– Приколись, Анатолич! – попросил Юрка.

– Поп грехи отпускает, – прикуривая сигарету, начал рассказ Барсуков, – одна женщина шепчет ему:

– Согрешила я, батюшка!

– Сколько раз? – спрашивает поп.

– Семь.

– Ступай, дочь моя, прощаю!

Другая подходит:

– Согрешила я.

– Сколько раз?

– Два.

– Иди, прощаю!

Подходит третья:

– Согрешила я.

– Сколько раз?

– Полтора!

Повествование внезапно громким хохотом перебил Юрчик.

Барсуков подождал, пока Юрка перестанет хохотать, и, выходя из кабинета, закончил:

– Поп мял, мял репу и предложил: «Ступай, досношайся, дочь моя, а то у меня с дробями плоховато!»

Зина, покраснев, осуждающе посмотрела вслед Барсукову, но только за Олегом закрылась дверь, не выдержав, закрыв ладошками лицо, залилась безудержным смехом.

А на следующее утро на перрон, сверкая мигалками и пугая народ сиреной, влетели два воронка.

Из боковой двери автозака выпрыгнуло нечесаное, свирепое чудовище, которое, однако, по документам ОВД числилось чистокровной немецкой овчаркой. С истерическим лаем монстр бросился в сторону стоящей неподалеку группы вахтовиков. Следом за овчаркой спрыгнул на землю конвоир, пытаясь поймать на лету вырвавшийся брезентовый поводок. Вахтовики ломанулись от собаки в разные стороны, а пес, подбежав к брошенным рюкзакам, опрокинул недопитую бутылку водки и схватил лежащую копченую курицу.

В это время конвоир, поймав конец упущенного поводка, потянул со всей силы овчарку на себя.

Конвойный пес, как горный осел, сев нечесаным задом на перрон и сопротивляясь кинологу, проглотил курицу.

– Алый, как тебе не стыдно? – сглотнув набежавшую слюну, возмутился собаковод.

В столыпине открыли двери.

Подъехав дверь к двери, конвой начал погрузку этапа. Первых загрузили мужчин.

Женщина была одна, и она, еле таща два тяжелых баула, скрылась в тамбуре спецвагона последней.

– Анатолич, можно я тебе письмо напишу? – крикнула Мухина на прощание.

– Пиши, Ирка! Может, помогу чем смогу! – согласился майор.

– А может быть, это любовь? – съязвил Юрчик.

– А может быть, корова, а может быть – собака! – пропел майор, запрыгивая на подножку отъезжающего автозака.

Юрка запрыгнул в кабину следом и, усевшись, отряхнул форменные брюки от опилок.

– Задолбали крохоборы, двадцать половых досок и пятьдесят вагонки за лишних семь человек запросили.

– А кому сейчас легко, – улыбнулся в ответ Барсуков.

– Наверно, ленинскую комнату ремонтируют? – поинтересовался водитель автозака.

– Сколько я им досок отправил за эти годы, там, в Челябинске, мавзолей можно уже построить.

Уставший за долгий рабочий день, прокурор разбирал почту.

Последняя телеграмма из прокуратуры автономного округа сурово и настойчиво намекала о попустительстве городской прокуратуры.

«Вами не исполняется решение генеральной прокуратуры РФ о выявлении случаев совершения должностных преступлений в рядах сотрудников милиции. По сравнению с прошлым годом, когда на данную категорию лиц было возбуждено два уголовных дела, вы в настоящий отчетный период провалили работу на сто процентов. Тогда как в остальных органах показатели на семьдесят шесть процентов выше уровня прошлого года.

Обращаю внимание на персональную ответственность.

Если по итогам первого полугодия план по привлечению к уголовной ответственности за совершение должностных преступлений не будет выполнен, будет решаться вопрос о привлечении вас к дисциплинарной ответственности, вплоть до отстранения вас от исполнения обязанностей».

Прокурор отложил в сторону листок.

Привлекаться к дисциплинарной ответственности или покинуть насиженное кресло ему не хотелось, тем более до получения очередного звания оставалось четыре месяца. И он, набрав номер телефона своего заместителя, рявкнул в трубку:

– Зайди ко мне!

Молодой, но ранний заместитель появился в дверях кабинета ровно через четыре минуты.

– Я тебе по поводу ментов что говорил?

– Садить надо, – растерянно заявил зам.

– Почему не садишь?

– Так не за что, – развел руками прокуренок.

– Ментов всегда есть за что садить, их честных не бывает. Просто выявлять не хочешь, либеральничаешь!

– Есть одна жалоба на Барсукова, но если ее пустить в ход, то кто работать в ИВС будет?

– Нового пришлют!

– Не знаю, жалко как-то!

– Ты что? Ты где служишь? Ты в прокуратуре работаешь! Если мы никого не привлечем, то нас привлекут! Звания не получим! Премии не увидим! А судя по последним директивам, уволят на фиг! – на одном дыхании выпалил прокурор изумленному заместителю.

«Да, надо свою шкуру спасти», – про себя подумал зам и вслух произнес:

- Барсуков так Барсуков, завтра же пускаю в ход материал.
- Смотри, он ушлый как Штирлиц! – напутствуя своего зама, предупредил прокурор.
- И не таких кололи! – важно и надменно заверил заместитель.

Глава 6

Двадцать лет назад 18-летний паренек приехал в столицу Северной Осетии – Орджоникидзе для сдачи вступительных экзаменов в Высшее военное училище имени С. М. Кирова МВД СССР.

При прохождении абитуриентских сборов и сдачи экзаменов он не проявил высоких знаний. И, конечно, не прошел бы по конкурсу, если бы, испугавшись с дури, не сдал бы физическую подготовку на отлично, что в принципе и решило его дальнейшую судьбу.

На экзамене по физике абитуриент Барсуков совсем впал в отчаянье: он не мог сдать со своего варианта ни строчки, потому что вокруг сидели такие же бараны, как и он.

Неожиданно к нему подошел подполковник и спросил фамилию.

«Барсуков», – опустив глазки на пустой листок, промямлил Олег.

Подполковник забрал экзаменационный бланк и исчез за дверями летней столовой, в которой и сдавали экзамены кандидаты.

Через пятнадцать минут офицер положил исписанный лист перед удивленным абитуриентом. На следующем экзамене Олег вновь встретил знакомого полкана, который о чем-то шептался с преподавателем, изредка устремляя взгляд на Барсукова. После Олег долго и бессвязно что-то мычал преподавателю. И все-таки подполковник с кафедры ФИЗО сделал свое дело, и фамилия Барсукова появилась в списках зачисленных.

Так уж случилось, что в 1981 году отличники и медалисты, не умеющие бегать, были отправлены с позором домой, а троечники, которые за счет своих мышц и дури в ногах сдали ФИЗО на отлично, были зачислены в училище.

Те, кто провалил экзамены, уехали по домам, а поступивших переделали в б/у и объявили о начале курса молодого бойца.

Будущих курсантов построили по росту, привели командиров отделений из числа бывших солдат срочной службы, которые сдали вступительные экзамены еще в мае.

Стоя в строю, Олег услышал шепот знакомого, который предложил перебежать в другой взвод, пока не переписали фамилии. Но Олег не решился и впоследствии не раз радовался своей нерешительности. Взводным у пятого взвода, куда чуть было не перебежал Барсуков, был назначен старший лейтенант Вася Володенко – спортсмен и садист. В четвертом же взводе, куда попал Олег, командиром взвода назначили лейтенанта Юрченко, по армейским меркам доброго офицера. Вспоминая свою юность, Барсуков удивлялся, как он, у которого никогда в родне-то не было военных, мог пережить весь кошмар первого курса. В училище Внутренних войск МВД СССР были порядки строгие и порой доходили по своей жестокости до абсурда.

Сержанты, прихватив из войск армейские понятия, бесновались над вверенными им отделениями. «Подъем!», «Отбой!», «Отставить!» – разносились команды дорвавшихся до власти людей. За полученную двойку на занятиях кем-нибудь из курсантов весь взвод поднимался ночью в ружье, и очумевшие от усталости курсанты носились по улицам Владикавказа в полном снаряжении и противогазах. Таким способом командиры взводов добивались отличных показателей в боевой и политической подготовке, участвуя в социалистическом соревновании. Самым зашуганным был взвод Васи Володенко, так как Вася не желал быть в числе отстающих. Курсантов его взвода сношали везде. Сержанты орали любимое: «Отбой!», «Подъем!». Ночью Вася кричал – в ружье, а днем вместо личного времени они бегали вокруг казармы.

У Олега же замкомвзвода был Эдик Анучин – афганец, награжденный медалью «За отвагу». Он не давал сильно разгуляться армейскому идиотизму. С ним было весело и интересно, и даже когда он гонял взвод, на него никто не обижался. В свободное от постоянных построений время Олег любил смотреть в окно четвертого этажа, где внизу по проспекту

изредка проходили девушки с волосатыми ногами и усами под носом. Знающие курсачи поговаривали, что даже встречали и с волосами на груди.

Ничего не попишешь, Кавказ дело тонкое.

Среди мерзкого запаха портянок и гуталина рождался стойкий командирский характер, который ой как пригодился в жизни Барсукову. Но чувство юмора так и не смогли убить суровые военные будни.

Много раз ему попадало от командиров, которые не могли смириться с его ехидной улыбкой. Двадцать пятого октября тысяча девятьсот восемьдесят первого года, в день Великой Октябрьской революции по старому стилю в расположения взвода вбежал лейтенант Юрченко и, оборвав приветствие, объявил:

– Товарищи курсанты! В Северной Осетии массовые беспорядки! Толпа движется к городу, неся гроб убитого ингушами таксиста!

Олег, слушая взводного, предвкушал очередную ночную скачку в противогазах. В прошлый раз взводный объявил о высадке китайских парашютистов, но, пробежав в противогазах вокруг плаца, курсанты с мокрыми спинами вернулись в казарму, не найдя диверсантов.

Барсуков вслух спросил:

– Это серьезно?

Взводный, посмотрев на него как на придурка, продолжал:

– Нашему батальону поставлена задача перекрыть участок площади перед обкомом.

По коридору затопали в разные стороны бегущие люди.

Батальон построили на плацу, и, пока командиры уяснял и поставленную задачу, стоящие в строю первокурсники наблюдали, как под руки ведут в санчасть курсантов четвертого курса с разбитыми лицами и головами.

С улицы слышался крик толпы, тянуло слезоточивым газом «Черемуха».

Училищу необходимо было продержаться до утра. К утру должны были подъехать курсанты третьего и второго курса, которые находились на уборке кукурузы в отдаленном районе республики.

Батальон наконец-то вывели к обкому.

Олег смотрел на площадь, где бесновалась обкуренная толпа.

Здание обкома было разорено, стекла остались только на верхних этажах, внутри было все перевернуто.

Толпа уже была вытеснена из обкома партии, куда, как стая саранчи, она ворвалась час назад.

Между зданием и толпой стояла редкая цепочка курсантов.

Барсуков взглянул на воробья, который летел прямо в стену здания обкома. Воробей со всей скоростью ударился о стену и отлетел в сторону, упав к ногам рядом стоящего комбата. Но Олег ошибся, это был не воробей, а кусок черного мрамора от памятника Серго Орджоникидзе, который с энтузиазмом разбирали пьяная толпа.

Вскоре осколки мрамора чаще засвистели над головами курсантов.

Кто-то рядом, ойкнув и присев на землю, закрыл руками лицо, его оттащили в сторону.

По случаю нехватки касок и спецсредств курсанты держали в руках хлебные лотки, игравшие роль щитов. Вместо резиновых дубинок в руках у многих были ножки от казарменных табуретов. У пилоток разогнули уши (все наивно надеялись, что удар камнем будет послабее).

К Барсукову подбежал лейтенант Юрченко и, надев ему за спину радиостанцию Р-105, объявил: «Ты радист командира батальона!»

Олег галопом побежал в сторону удаляющегося комбата.

Глава 7

Войдя за комбатом в разгромленный обком КПСС, Олег увидел спящего на лестнице курсанта зенитно-ракетного училища, рядом с которым лежала зеленая армейская каска.
– Резерв! – показывая на мирно посапывающего курсача, улыбнулся комбат.
Барсуков нагнулся и потихоньку взял в руки каску.
Командир батальона, увидев факт явного мародерства, подмигнул Барсукову:

– Надевай быстрее, пока хозяин не проснулся, хоть по башке не получишь!
Со словами «не зевай, Фомка, на то и ярмарка» Олег напялил украденную каску себе на голову.

Комбат был занят с другими старшими офицерами, а Барсуков с радиостанцией за спиной бродил по этажу, собирая разбросанные по полу календари и шариковые ручки.

К нему подошел курсант соседнего взвода Леха Синчило и, хвастаясь, показал бархотку для чистки сапог.

Кусок бархата был темно-синего цвета и смотрелся очень привлекательно.

– Оторви половину! – попросил Барсуков.

– Вон, в зале съездов еще до хрена осталось, – пробубнил Леха, пряча в подсумок добычу.

Олег прошел в зал съездов и обалдел от увиденного.

Обкомовские шторы трещали под ножами курсантов, каждому хотелось заполучить красивую бархотку.

Протиснувшись сквозь спины термитов с мыслью «война все спишет», Олег отрезал себе лакомый кусочек.

Барсукова, бесцельно болтающегося по этажам обкома, окликнул комбат.

Командир батальона, майор Усманов, взглянув на торчащий кусок бархата из подсумка своего горе-радиста, двумя пальцами вытащил бархат наружу.

– Это мародерство, за него расстреливают! Понял?

– Так точно! – испуганно выкрикнул курсант.

Комбат, беспардонно положив его в свою полевую сумку, изрек:

– Себе еще найдешь!

– Спасибо, что не расстреляли, – пробурчал Барсуков и ринулся за новой бархоткой.

Забежав в зал съездов, опешил. Пятиметровые бархатные шторы, закрывающие всю обкомовскую сцену, исчезли, как исчезли и курсанты, недавно толпившиеся в зале.

Барсуков с радиостанцией за спиной четко, как учит строевой устав, повернулся кругом и строевым шагом, горланя песню «Ах, война, что ж ты сделала, подлая!», пошел к выходу мимо двух курсантов, которые так же, как и он, остались без добычи.

Город пылал, окна близлежащих домов были выбиты, магазины разграблены, местная милиция ушла в партизаны.

Единственный в училище БТР-60ПБ, носясь по улицам Орджоникидзе, грохотал из КПВТ холостыми патронами.

В него из обкуренной толпы летели бутылки с зажигательной смесью.

Горящий БТР возвращался к училищу, где на него направляли водяную струю из пожарной машины.

Когда пламя сбивали, черный от копоти лейтенант закрывал люк и машина вновь исчезала в конце проспекта.

– Что-то долго нет бэтэра, – проговорил комбат как Илья Муромец, из-под ладошки смотря сквозь клубы слезоточивого газа, к которому войска и толпа давно уже привыкли.

Стоящий рядом капитан показал пальцем в конец проспекта.

Оттуда, как из преисподней, появилась охваченная огнем машина.

БТР летел на всех парах, колеса у него горели, от брони шел черный дым. Горящий бронетранспортер остановился у пожарной машины.

Солдат-пожарный, сидевший за водяной пушкой, пустил струю в несколько атмосфер.

Лейтенант, задыхаясь от едкого дыма, откинув башенный люк, высунулся по пояс и жадно хватал широко раскрытым ртом воздух.

Струя долетела до лица летехи, его щеки надулись, как у хомяка, и задрожали под давлением воды.

Лейтенант, закатив глаза, провалился на дно горящего бэтэра.

Солдат получил по роже от прапорщика. Офицера же, который рыгал, как Змей Горыныч, пенообразователем, пытаясь судорожно захватить глоток воздуха, вытащили из люка и привели в чувство.

Днем на БТР, как Ленин на броневик, взяв в руки мегафон, забрался прибывший специальным рейсом член ЦК КПСС, товарищ Соломенцев.

Он представился, толпа стала его слушать.

Последняя фраза решила судьбу переговоров.

После необдуманной тирады о применении силы типа: «Коли не разойдется по хатам, то мы вас будем бить, товарищи!!!» – в члена ЦК полетели из толпы камни и оратор кубарем скатился с импровизированной трибуны.

Массовые беспорядки в Орджоникидзе закончились через три дня.

Из Москвы и Тбилиси пришло подкрепление.

Погоняв уставшую от грабежей и погромов толпу, гарнизон перешел к патрулированию. Училище такого погрома не помнило со времен войны; целых стекол почти не осталось, вокруг валялись камни, палки.

Куда бы ни ступила нога курсанта Барсукова, везде слышался хруст стеклянных осколков. Для паренька из глубокой северной провинции такой ход событий был в диковинку.

От министра внутренних дел Николая Анисимовича Щёлокова Олегу, как и всем курсантам, будет объявлена благодарность с формулировкой: «За мужественные и решительные действия при ликвидации массовых беспорядков в Северной Осетии».

Потом, когда министр застрелится, благодарность из личного дела исчезнет, а может, ее просто забудут записать при оформлении офицерского личного дела.

Кто сейчас это объяснит?

События октября 1981 года были первой ласточкой развала большого, нерушимого и сильного государства.

Позже, уже офицером, Барсуков в составе сводных отрядов Внутренних войск МВД СССР метался по стране как по горящему лесу, где то там, то здесь вспыхивали большие и маленькие пожары. То массовые беспорядки в Алма-Ате, то резня в Фергане, в Новом Узене, бойня в Таджикистане.

Все чаще и чаще эпилептические приступы корчили любимую державу.

Не видя месяцами своих жен и детей, старший лейтенант Барсуков и его сослуживцы из последних сил мешали «братским народам» избавиться от ненавистного «русского ига».

Позже великая Россия бросит их на произвол судьбы, подарив боевых командиров вместе с ложками и кружками суверенным республикам. И побегут русские офицеры, бросая пожитки и обесцененные квартиры в гарнизонах, в разные стороны из стран ближнего зарубежья.

Осенью 1992 года, по достоинству оценив исторический вклад в борьбе за независимость и случайно присвоив ему очередное воинское звание капитана, Олега торжественно уволят из рядов Внутренних войск республики Казахстан.

При последней беседе подполковник, подписывая обходной с участием и состраданием, спросил:

– Ну и куда же ты пойдешь? Ты не можешь даже и представить себе, что такое гражданка! Пропадешь ведь! Может, останешься?

– Нет! У меня дядька в Баку декан, не пропаду! – не задумываясь, соврал Олег.

– И что делать будешь?

– Поступлю в сельхоз-педагогический! – не краснея, продолжал гнать гусей бывшему командиру части Барсуков.

Командир полка поднял уставшие глаза на счастливого человека.

Он ведь тоже одолел рапортами о переводе в Краснодарский Край, но пока ему в этом отказывали, мотивируя тем, что не найдена замена. А где ее найти-то? Замену эту окаянную.

– Окончишь институт, кем работать-то будешь? – поинтересовался подполковник у бывшего сослуживца, растерянно крутя в руках подписанный обходной.

– Как «кем»? Летом учителем, зимой агрономом! – рассмеялся Барсуков.

Командир части смутился, поняв, что повелся на шутку капитана запаса.

– Разрешите? – с торжественным видом спросил Барсуков.

– Что? – не понимая, что еще желает отчебучить капитан запаса, поинтересовался командир части.

– На прощание знамя поцеловать! – ехидно улыбаясь, произнес Олег, показав на висевший за спиной командира голубой стяг суверенной страны.

– Иди на хрен! Увидят, и меня из-за тебя уволят! – закричал, испугавшись, командир.

Но Барсуков уже нагло протискивался за спину командира к знамени, и грязные лапы российского подданного, дрожа, тянулись к святыне страны, наконец-то получившей независимость от «русского ига».

Подполковник, как теща, не пускающая пьяного зятя, загородил дорогу нахалу.

– Пошел вон! – взревел вояка. – На губу посажу!

– Не посадите! Я теперь гражданский и тем более иностранец! – злорадно изрек Барсуков и, посоветовав своему бывшему начальнику сделать обрезание, выхватив из рук подписанный обходной, торжественно вышел из кабинета.

Подполковник же после ухода капитана открыл верхний ящик стола, достал чистый листок и со словами «хрен вам, а не обрезание!» написал очередной рапорт на перевод в Россию.

Последний раз Олег шел по территории воинской части.

Впереди предстояла долгожданная, давно забытая и чуть-чуть страшноватая гражданская жизнь.

Навстречу попался Серик, молодой штабной старший лейтенант.

Поздоровавшись, Серик спросил со свойственной штабистам надменностью:

– Уезжаешь?

– Конечно!

– Рад?

– Безумно!

– А мне новую должность предложили, – похвастался Серик.

– Скоро все русаки смоятся, ты командиром полка станешь! – усмехнувшись, укусил его

Олег.

– А что тут такого, думаешь, не потяну? – возмутился собеседник.

– Да нет, потянешь, если на подъем в роты ходить не будешь. А то там нечаянно какой-нибудь дедушка сапогом навернет! – напомнил ему старые времена Барсуков.

– Это вы там роту распустили, я еле порядок навел. – начал было Серик.

– Ладно, служака, пошел я на хрен, а ты за углом меня обгонишь! – перебил его Олег и, не прощаясь, пошел прочь от будущего начальника войск.

Барсуков помнил, как этот сосунок, будучи командиром взвода, плакался в канцелярии роты, что его не слушаются солдаты, что он не может утром поднять роту на зарядку.

Это действительно была чистая правда.

Серик прятался в канцелярии до самого завтрака и выходил оттуда только тогда, когда проголодавшиеся деды, уставшие лежать в кроватях, уползли в столовую.

Прознав, что в соседней отдельной роте нужен замполит, Барсуков вышел по радиостанции на ее командира.

– Привет! Тебе замполит нужен?

– Не могу найти! Мой политрук выкрал личное дело в строевой части и в Краснодар сбежал, – прошелестело в эфире.

– А что начальник строевой? Куда смотрел? – удивился капитан Барсуков.

– А он тоже сбежал в Новосибирск.

– Нашего командира взвода возьми! Этот не сбежит! Местный! – предложил Олег, крича в тангенту рации.

– Как он?

– Казахский знает, на домбре играет, взвод зашугал, – врал капитан.

– Ладно, подумаю, – проговорил хозяин соседнего подразделения.

Поболтав еще о всяких новостях, Олег вышел из радиорубки, а солдат-радист сидел не шевелясь, онемевший от услышанного.

Через неделю Серика перевели в Вишневку. А еще через неделю эфир засорил отборный мат командира отдельной роты. Он угрожал Барсукову, что оторвет ему голову и совершит половой акт самым извращенным способом при первой же встрече.

Олег довольно спокойно отнесся к психическому срыву коллеги и, посоветовав ему пока потренироваться в сексе с Сериком, отключил передатчик.

Через несколько месяцев понадобился комсорг полка, и на общем собрании командир вишневской роты взахлеб стал предлагать своего замполита. Олег, чувствуя себя виноватым перед Вишневкой, тоже встал и спел сказку про гениальность Серика.

Вундеркинд опять пошел на повышение.

Теперь, по прошествии времени, важный и надменный помощник начальника политотдела полка Муканов Серик смотрел вслед удаляющемуся Барсукову, последнему свидетелю его удачной карьеры.

– Ты будешь первым генералом суверенной страны! – ворчал на ходу уволенный капитан.

Барсуков отмаялся. В течение недели собрал свои пожитки и пропал из поля зрения бывших сослуживцев.

С двумя чемоданами капитан запаса появится на Севере, чтобы там начать новую жизнь.

Правда, перед северными широтами он посетит южные края бывшей империи в качестве контрактника в воюющем Таджикистане.

Там, в боевой неразберихе, было легче запросить из УВВ Казахстана и получить на руки личное дело, без которого устроиться или восстановиться в России было бы невозможно.

«Вербанулся» он у воинской кассы Свердловска. Загорелый подполковник с черными, как у афганца, усами, узнавши проблемы Олега, подмигнул капитану, предложив:

– Поехали со мной, а личное дело тебе добудем. А повоевать-то придется.

– Да мы как-то привычные, – улыбнулся в ответ капитан, – что конкретно?

– Сопровождение колон по трассе М41 Ош – Хорог. Сейчас Горно-Бадахшанская область в блокаде. Война там. Ну как? Порукам?

– Согласен! Контрабасом так контрабасом, но личное дело за вами! – пожав руку подполковнику, согласился Барсуков.

Офицер не обманул, и уже через семь месяцев в поезде Душанбе – Ленинград навоевавшийся Барсуков, как любимую девушку, гладил личное дело. Ему предстояла еще одна пересадка в Свердловске, и долгожданный Ханты-Мансийский автономный округ распластает свои объятия.

Стаж терять не хотелось, тем более до льготной пенсии оставалось дослужить четыре года, и капитан запаса подался в милицию, не предполагая, что новая работа затянет его по уши.

Здесь, работая командиром конвойного взвода, позже опером по малолеткам, старшим опером, а затем и заместителем начальника ИВС по оперативно-режимной работе, он наконец найдет то, что искал.

А искал он самого себя.

И уже через несколько лет он создаст себе такой имидж, что о повышении по службе не будет и речи, так как заменить его будет некем. Ему даже присвоят звание майора милиции на ступень выше, чтобы не сбежал с должности.

Барсуков станет вечным кумом, впоследствии смирившись со своей участью.

Глава 8

И. о. начальника ИВС майору милиции Барсукову О. А. от задержанного по ст. 122 УПК Ямщикова Л. В.

Заявление

Прошу содержать меня в отдельной камере, так как в общей камере я не могу находиться в связи со сложившимися жизненными обстоятельствами.

В моей просьбе прошу не отказать.

Подпись.

Дата

Ямщиков «заезжал» на подвал в бытность майора уже раза два.

В этот раз, находясь под подпиской «за хорошее оперативное поведение», совершил новую кражу, и опера, устав отмазывать его от следователей, закрыли своего тайного помощника в подвал.

Он по зековским меркам являлся «шкворным», и сидеть в общей камере для него было тяжело. Приходилось изо дня в день таскать бачок с отходами (парашу), выполнять черновую работу. Да и по своему положению ему строго запрещалось подходить к общаку, т. е. к столу в камере. Ел он в углу на корточках, не имел права брать сам вещи и продукты, имел свою ложку и кружку с чашкой, которые после приема пицци стояли под шконарем (лежаком).

Беды Лёни начались лет десять назад, когда он с группой подвыпивших друзей изнасиловал за клубом малолетку.

Таких преступлений случается тысячи, но Ямщиков не учел коварность ранее судимого отца потерпевшей.

После объявления приговора Лёньку с его подельниками закрыли в камеру, которая находилась в подвальном помещении здания районного суда.

Конвой беспечно в ожидании транспорта скучал в коридоре: на окнах в судебной камере надежные решетки, да и окно было на уровне с землей, и в него могла пролезть только кошка. Но раз могла пролезть кошка, то туда как раз вошел шланг от ассенизаторской машины, на которой приехал отец потерпевшей.

– Братва! – крикнул он в решетку окошка.

– Говори! – раздалось из камеры.

– Грев надо?

– Давай! Тусуй!

– Держите сидоры на букву «П»!

С этими словами представитель самосуда быстро подсоединил гофрированный шланг «говновозки» к бочке и спустил содержимое ГАЗ-52 в камеру. В итоге трое осужденных оказались по пояс в дерьме.

– Дерьмом пахнет! – сонно проговорил один из конвоиров, охранявших осужденных.

– Тебя не было, не пахло! – ответил ему сослуживец.

Но поссориться они не успели, т. к. пришлось спасаться бегством от разливающейся по коридору подвала вонючей жидкости.

Отцу малолетки дали пятнадцать суток за мелкое хулиганство, а Ямщиков и его два подельника из «порядочных» арестантов превратились в изгоев общества – шкварных.

Хоть и трудно было привыкать к новому «положению», но ничего не попишешь. Бывшие друзья по тюрьмам и воле махом отвернулись от сотоварища по несчастью, и Ямщикову ничего не оставалось, как собрать пожитки и «выломиться» из «порядочной хаты».

Теперь его могло принять только общество беженцев, таких же опущенных, как и он.

Барсуков вызвал Ямщиков на беседу.

Когда «беженец» вошел, у кума защемило сердце.

Грязный, в пиджаке на голое тело, в затасканном трико и в резиновых сапогах на босу ногу, Лёня был похож на окруженца.

– Короче, – объявил ему кум, – пойдешь в пятую.

– А там кто сидит?

– Такие же, как и ты, но если узнаю, что стал борзеть, закину в общую!

– Начальник! Да я мухи не обижу, – начал было Ямщиков, но майор перебил его:

– И смотри там, что почем, сразу маякни, понял?

– Базар тебе нужен! Как отцу родному все по полочкам!

– Давай, двигай в хату, если что интересного вынюхаешь, напишешь заявление на больницу. Заявы-то я прохлопываю, – сказал напоследок майор и, вызвав постового, отправил своего «младшего сотрудника» зарабатывать на баул к этапу.

Через несколько дней Ямщиков рассекал по хате в новом джинсовом костюме, кроссовках и белых носках.

Он был бластным среди беженцев и, заняв свое положение, первым делом раздел сокамерников.

У Леонида также появился чай и сигареты, которые ему выделил майор Барсуков по случаю написания явки с повинной одним из его сокамерников.

С каждым днем баул Ямщикова все больше и больше становился похож на попу слона.

За три месяца пребывания «на подвале» Ямщиков «накусал» рожу, набил баул и помог Барсукову выявить несколько преступлений, совершенных сокамерниками.

Вообще-то положено в ИВС держать арестованных не более 10 суток. Но в связи с удаленностью ОВД от Тюмени, вечными проблемами со следствием, местами в спецвагонах люди «парились» по шесть и более месяцев.

Да и как отправить на этап такого помощника?

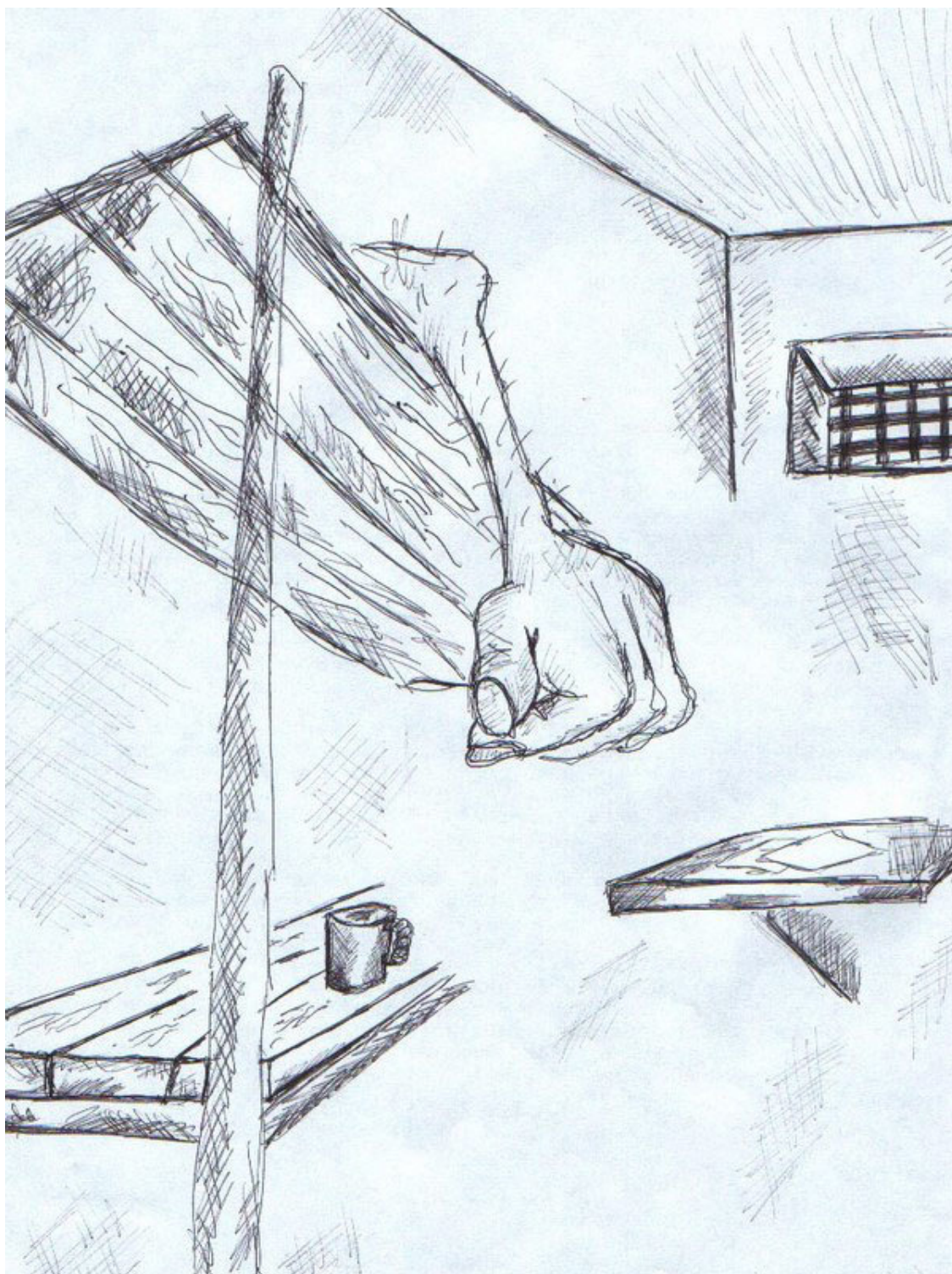
Вначале Ямщиков вкрадчиво расспрашивал сокамерников, кто что знает, но в конце срока пребывания он уже тряс за грудки новенького и хрипло кричал на всю камеру: «Колись, сука, а то нам кислород перекроют!!!»

Майор, смотря со стороны на действия своего внештатного помощника, говорил другим операм с иронией в голосе: «В России пресс-хат нет!»

Пришло время, и, убывая на этап, отъевшийся Ямщиков, еле таща свой баул, крикнул на прощание: «Анатолич, если что, не сердись!»

Барсуков с иронией взглянул на караульного пса Алого, который, вновь спрятавшись под автозак, грыз только что отобранную у вахтовиков курицу.

Улыбнулся. Помахал Ямщикову ручкой и, проводив столыпин, уехал в ИВС.

Глава 9

Через день ему позвонили из прокуратуры и велели зайти к заместителю прокурора.

Олег, идя в прокуратуру, перебрал в памяти все свои грехи, и не найдя ничего, отчего бы не мог отмазаться, он с легким сердцем вошел в кабинет заместителя прокурора города.

Надменно посмотрев на Барсукова, как смотрели немцы в Бухенвальде на узников, заместитель прокурора пригласил сесть и начал рассказывать страшную сказку о том, что за свою бытность пересадил множество ментов и от тюрьмы может спасти только чистосердечное признание.

«Поучи бабушку в бутылочку пописать!» – подумал про себя Барсуков и мило улыбнулся.

Улыбку опера прокурорский работник расценил как недоверие к своим словам, принявшись еще убедительней доказывать, что чистосердечное признание лучший вариант в сложившемся положении.

Барсуков, слушая белиберду, которую нес прокуренок, перебирал в памяти случаи из жизни, за которые могли бы его «пытать» прокурорские работники.

Вскоре у зам. прокурора кончился словарный запас, и тот предложил:

– Я даю вам, Барсуков, чистый лист бумаги, и вы мне подробно опишите свою преступную деятельность в ИВС!

– А ранее совершенные мной преступления тоже описывать? – спросил тихо Барсуков.

– Конечно! Конечно! – затараторил зам. – Пишите, если не хотите из моего кабинета сразу попасть в камеру!

– Если я все напишу, в камеру с телевизором посадите? – слезно проконючил Олег. – Не могу я без «Приходи сказка» засыпать, привычка детдомовская.

– Пишите, а потом посмотрим, – важно произнес истребитель продажных ментов, не заметив черного юмора.

Барсуков, присев за стол, грызя ногти и надсадно пыхтя, принялся сочинять чистосердечное признание.

– Пишите! Пишите! – похвалил его прокуренок и довольный удачей поскакал к прокурору похвастаться, что так легко расколол Барсукова.

Майор милиции, окончив писать, попросил конверт, пояснив вернувшемуся удивленному заму, что желает в запечатанном виде отдать явку с повинной лично самому прокурору города.

Кум ИВС заклеил конверт, отдал его зам. прокурора и попросился покурить на улице, клятвенно пообещав, что не скроется от суда и следствия.

Через минуту он уже сидел на лавочке подле здания прокуратуры и курил сигарету, раздумывая о том, какое по счету чистосердечное признание он сделал за годы службы.

Довольный зам принес конверт в кабинет прокурора и, вручив его своему боссу, присел в сторонке с довольным видом. Со стороны он был похож на ребенка, которому наконец-то разъяснили, чем отличаются девочки от мальчиков.

Прокурор достал листок и начал читать.

*Прокурору города и района от заместителя начальника ИВС ОВД
майора милиции Барсукова О. А.*

ЯВКА С ПОВИННОЙ

*Я, заместитель начальника ИВС по оперативно-режимной работе
майор милиции Барсуков О. А., добровольно и без принуждения хочу дать*

явку с повинной о своих преступлениях, совершенных мною в разное время на территории Российской Федерации и странах СНГ.

Хочу отметить, что на дачу явки с повинной меня подтолкнула человечность и бескорыстность Вашего заместителя. Прошу в дальнейшем представить этого умудренного опытом сотрудника в расшифровке преступников в погонах к правительственной награде.

Со ст. 51 Конституции Российской Федерации ознакомлен, но ради будущего нашей Родины с радостью даю против себя показания!

1. Первую кражу я совершил в четырехлетнем возрасте, когда, игнорируя доверие мамы, тайно похитил из буфета 200 (двести) грамм шоколадных конфет «Мишка на севере». С сожалением поясняю, что вещественные доказательства (кал и фантики) бесследно утрачены.

2. В десятилетнем возрасте я был задержан добровольной народной дружиной за то, что бросался в памятник Павлику Морозову еловыми шишками, этот факт при поступлении в милицию я сознательно скрыл.

3. Также я сообщаю, что конвойный пес Альф, состоящий на довольствии в ИВС, систематически совершает открытые хищения продуктов питания на перроне при отправке этапов. Последний раз он открыто похитил копченую курицу у бакирской вахты и съел ее под автозаком.

Его деяния формально попадают под действия ст. 161 УК РФ, но так как на момент совершения преступления субъект не достиг четырнадцатилетнего возраста, в возбуждении уголовного дела было отказано. Действия конвойного пса Алого были рассмотрены на комсомольском собрании ИВС, но выводов для себя Альф не сделал и продолжает позорить высокое звание милицейской собаки.

Написано собственноручно, без черновика. Я надеюсь, суд учтет мое чистосердечное признание и вынесет мне не сильно суровый приговор.

Р. С. Зам. прокурора обещал мне камеру с южной стороны и с телевизором. Прошу сдержать свое честное прокурорское слово.

Майор милиции Барсуков

Заместитель прокурора жадно ловил взгляд своего начальника.

– Ну-ка, зови сюда этого писаку! – раздраженно рявкнул прокурор.

Зам пошел искать Барсукова, которого нашел сидящим с секретаршами в канцелярии и мирно – может быть, последний раз в жизни – пьющим кофе в здании прокуратуры.

– Товарищ майор! Вы что, сильно умный? Думаете, мы не знаем вашей преступной связи с арестованными? Или вы считаете нас за полных идиотов? – закричал прокурор, когда Барсуков появился в его кабинете. – Вы не понимаете всю тяжесть улик! Мы можем просто, не разговаривая с тобой, закрыть в камеру, но не хотим этого, – продолжал прокурор, незаметно для себя перейдя на ты.

– Закрывайте! В тюрьме тоже люди сидят! Хоть в шахматы играть научусь, давно мечтаю, а время нет, – усмехнулся кум ИВС.

– Да! Да! Закроем! – зазвенел, как у Левитана, голос прокурора.

– Закроете, то закроете, ваше право. А не бздите, что я вытащу себе кишки и размотаю по всей камере? А на стенах кровью напишу ваши фамилии! – проговорил майор таким грозным голосом, что заместителю прокурора стало не по себе. – Объясните, что вы от меня хотите-то?

– Вам что, мой зам неясно объяснил? – переходя на вы, проговорил прокурор.

– Он мне не объяснял, а предложил написать явку с повинной, и я, как добропорядочный гражданин, написал все, что посчитал нужным! – скромно, глядя в пол, проговорил Барсуков.

Прокурор посмотрел на зама как на идиота.

Зам покраснел как красна девица, которой на первое свидание вместо мороженого жених принес пачку презервативов.

– Читайте! Тут, Барсуков, много чего написано! – с этими словами прокурор протянул майору лист бумаги.

Писал Ямщиков. Писал, как кричал.

Не просто кричал, а орал о произволе руководства ИВС.

Сообщал о Барсукове, который неоднократно приносил ему водку за деньги, о старшине, который шарится в каптерке по сумкам. И, наконец, о том, что у него пропала норковая шапка и куртка «Пума».

И он, Ямщиков, уверен в том, что Барсуков присвоил его вещи и тем самым совершил должностное преступление.

Прочитав всю белиберду, написанную Леней, кум положил листок на край стола и молча стал ждать, что скажет прокурор.

Прокурор снял очки и посмотрел на Барсукова близорукими уставшими глазами.

– Ты понимаешь, что тебе грозит, если на самом деле это окажется правдой? – спросил прокурор майора, переходя на ты.

– А если это неправда, что грозит Ямщикову? – наивно поинтересовался Олег.

– Ямщиков находится под арестом и этим уже наказан, – начал было прокурор.

– Завтра он на вас напишет, что вы с одной тарелки с ним ели! А он-с, между прочим-с, полусидор, – перебил его Барсуков, которого начинала раздражать эта процедура.

– Я обязан проверять каждый сигнал о беззаконии в городе, – произнес Папа Города.

– Согласно протоколу обыска Ямщиков заехал на подвал в резиновых сапогах на босу ногу. Откуда у этого пинча появилась норковая шапка и куртка, я не знаю, – устало проговорил майор и отвернулся к окну.

Глава 10

Прокурор нервно ходил по кабинету, а за ним, как Пятачок за Винни-Пухом, семенил заместитель.

– Последнее время вы и вообще вся уголовка преступления перестали по ИВС раскрывать. Вот и по убийствам тяжело идет. Четырнадцать совершено, а восемь из них только раскрыты. Пятьдесят семь и четырнадцать процентов раскрываемости, куда это годится? – посетовал прокурор, глядя на листок, лежащий на рабочем столе.

– Да! Да! – будто подтверждая слова своего босса, пискнул заместитель.

– Я, не вставая со стула, вам процент до шестидесяти четырех подниму, просто вашему заму нужно с башкой дружить, а не за ментами подсматривать, – буркнул Барсуков.

– Что вы городите? Как можно это сделать? Что в прокуратуре глупее вас люди сидят? – возмутился оскорбленный зам.

– Ну и не умнее меня это точно, если вы мимо раскрытых убийств проходите и их не видите! – огрызнулся Олег.

– Поясни, – попросил прокурор, внезапно заинтересовавшись бредовой идеей Барсукова.

– У меня в ИВС сидит Топорков по сто одиннадцатой третьей, мамашу свою по пьянке из окна выкинул вместе с рамами.

– Ну и что?

– А то, что он, когда кидал, орал на всю округу: «Убью, сука!» – и все соседи слышали.

– Но не убил же.

– Да, маманя задницей на газон приземлилась, но этаж-то третий, – улыбнулся майор.

– И что ты предлагаешь?

– Возбудить сто пятую через тридцатку, – ехидно предложил прокурору Барсуков.

– Что это даст? – спросил Папа Города, начиная понимать, куда клонит опер.

– А то, что по двадцать второй форме сто пятая пойдет как раскрытая, а тридцатка выпадает. И поэтому получается, что раскрыто у нас не восемь, а девять убийств. Восток и статистика дело тонкое! – еще раз улыбнувшись, закончил мысль Барсуков.

– И как это шельмовство понимать? – вставил свою реплику заместитель.

Барсуков посмотрел на зама и, тяжело вздохнув, про себя подумал: «Учить тебя, учить, потихоньку вынимать, тогда будешь понимать!» – а вслух произнес:

– Вся страна шельмует! А мы что, рыжие?

– Ты где этому научился? – удивился прокурор, сообразив, что предложил кум ИВС.

– В университете миллионов, – пошутил майор.

– Напиши все по поводу Ямщиков и иди, – задумчиво проговорил хозяин кабинета, увлекшись усвоением предложения оперативника.

Барсуков встал и вышел из кабинета.

Через пять минут майор положит листочек с девятью словами на стол смазливой секретарше: «По поводу заявления Ямщикова пояснить ничего не могу!» – и, заглядывая ей в вырез платья на груди, тихо на ухо, как Ромео Джульетте, пропоет:

– Ямщик, не гони лошадей!

«Дурак! – подумает секретарша, глядя ему вслед. – Лучше бы попросил, я ведь давно согласна!»

Майор вернулся из прокуратуры веселый и жизнерадостный.

Весь день он ходил по кабинетам оперов, в очередной раз рассказывая о том, что в детстве кидался в памятник Павлика Морозова.

– Вот скотина неблагодарная! – возмутился Юрка, прочитав копию текста жалобы, которую прокурор подарил Барсукову. – Я же ему, гниде, последний чай и сахар из дома перетаскал, – добавил он.

– Сколько зека не корми, все равно у бегемота член толще, – уверенно произнес старшина.

Барсуков подмигнул сослуживцам и назидательно продекламировал:

– Не верь клятве алкоголика! Слезам проститутки! И улыбке прокурора!

– Анатолич, а ты про варежки слышал? – спросил Юрка.

– Про какие еще варежки? – насторожился Олег.

– Анекдот, елки-моталки!

– Давай, трави, – успокоившись, предложил кум.

Юрик, немножко подумав, начал рассказывать анекдот про варежки:

– В общем, сидит опер в ИВС, письма зековские прохлapyвает, – начал повествование командир отделения. – Читает, а на конверте написано: «Дедушке Морозу от Малолетки Сидорова». Мент вскрыл письмо.

Приветствую тебя, Дедушка Мороз!

Отписывает тебе Малолетка Сидоров из седьмой хаты.

Тусую тебе малек, так как знаю со слов нашего положенца, что ты в натуре порядочный и не оставишь без внимания мою просьбу.

Помоги мне более ждать не от кого, а в четверг отправляют голым на этап.

Дед, не будь фуфлыжником, загони по возможности к этапу:

1. Фуфайку. 2. Валенки. 3. Варежки. 4. Ну и сладкого с чаем.

С уважением жму пять!

Всем достойным, кто рядом, по приветнику!

Сидоров,

7-я х.

Прочитал кум письмо и задумался.

Дай-ка, думает, сделаю хоть одно доброе дело для арестантов.

Пошел он на базар, купил чаю, сахара. У старшины отдела выпросил фуфайку. На последние деньги купил пару маленьких валенок. А вот на варежки денег не хватило. «И так нормально», – подумал опер.

Зашил все приобретенное в наволочку и подписал: «Малолетке Сидорову от Дедушки Мороза, 7-я х.».

Проходит неделя, опять кум прохлapyвает письма.

Снова письмо. «Дедушке Морозу от Малолетки Сидорова».

Мент открывает и читает.

Дедушка Мороз, с братским приветом к тебе

Сидоров из седьмой хаты!

Дачку твою получил, за проявленное внимание огромная тебе благодарность. Все, что ты мне загал, дошло в целости.

Фуфан в самый раз! Валенки вообще ништяк! А вот варежки, по ходу дела, мент крысанул!..

– Почти так же, как с Ямщиковым, – проговорил старшина.

Майор, спохватившись, неожиданно воскликнул:

– Ё-моё! Мне же письмо пришло!

– От Дедушки Мороза?

– Нет. От девушки из Базоя! – улыбнулся Олег, рассматривая конверт.

И, распечатав, Барсуков увлекся чтением письма из далекого ИТК от Мухиной Иринки, осужденной два месяца назад.

Здравствуй, Анатолевич!

Вот и доехала я до лагеря. Не могла дожидаться, когда из Тюмени вывезут, а теперь жалею, что так стремилась вырваться из СИЗО в колонию. Все здесь вокруг чужие, лишний раз ни к кому не подойдешь. С работой тяжело, все теплые места заняты. Есть, правда, работа на полях, но меня пока не выводят. Встретила в зоне Ольгу Рибкалкину (раньше по воле вместе вмазывались). Посидели, попили чайку.

А после, когда чай и сахар мои кончились, она предложила сдать кой-какие мои вещи. В итоге осталась я в одних тапочках, а Ольга сразу отморозилась и больше ко мне в отряд не заходит. Так мне, дура, и надо. Ведь знала ее по воле, а все равно купилась...

Буду краткой. Ты ведь знаешь, что обратиться кроме тебя не к кому.

Поэтому прошу тебя: вышли мне маленькую бандерольку с куревом и чаем. Освобожусь, рассчитаюсь...

Майор, сложив конверт пополам, положил его в карман рубашки.

– Что, подогреть просит? – догадался Юрка.

– Ладно, не обеднею! – не отвечая на вопрос, проговорил Барсуков, выходя из кабинета.

Глава 11

Юрик приперся на работу с небольшим опозданием (примерно часа на два). Барсуков сидел в кабинете и травил очередную байку про армейские годы. В кабинете находился следователь прокуратуры Игорь Анваров и адвокат. Они пришли в ИВС предъявлять обвинение арестованному Топоркову по ст. 30–105 УК РФ, но, забывшись, слушали майора.

– Когда я служил в г. Новый Узень, – услышал Юрик болтовню Барсука, – к нам на проверку с Алма-Аты приехал полковник по политической части.

Бродя по территории узеньского батальона, полковник умирал от сорокоградусной жары и скуки. Весь личный состав батальона днем нес службу, поэтому в батальоне осталось минимальное количество солдат, да и те где-то «шкерились» от высокого гостя, – рассказывал кум, крутясь на стуле. – Полковник, выискивая недостатки, прошел в казарменное помещение роты старшего лейтенанта Сашки Мусинского. Осмотрел три боевых листка, стенную газету, подшивку газет в ленкомнате, но недостатков так и не выявил.

Командир роты, заранее зная о приезде проверяющего, подготовился основательно. Взял в городской библиотеке подшивку газет и, освободив двоих солдат от несения службы, добился появления трех боевых листков.

Проверяющий уже собирался выходить из казармы, но вдруг остановился как вкопанный. Из ротного умывальника доносились звуки ударов и крик.

– Я тебя кончу козел!

«Шлеп! Шлеп!»

– Я тебя отучу пить!

«Шлеп! Шлеп!»

– Тебя куда послали? За почтой или за водкой?

«Бац! Бац!»

– Сука! Если этот козел с Алма-Аты тебя спалит, я тебя изнасилую!

«Бац! Шлеп! Бац!..»

«Козел из Алма-Аты» вбежал в помещение умывальника и увидел ужасную картину.

Солдат стоял с разбитой рожой, на полу валялись почтовые конверты и газеты. А перед пьяным «почтальоном» стоял Мусинский.

– Мусинский, прекратите! – захлебываясь от негодования, крикнул полковник.

Политработник, осмотрев опухший нос солдата, приказал:

– Солдат, спать! Мусинский, в канцелярию!

Солдат, мирно причмокивая опухшими губами, похрапывал в спальном помещении, а командира роты в течение четырех часов воспитывал полковник.

– Вам доверили судьбы солдат! – кричал на него проверяющий.

– Это не солдат! А говно! – огрызнулся Мусинский.

– Это вы дерьмо! – брызгая ему в лицо слюной, орал полкан.

– Он третий раз за месяц допускает пьянку, – оправдывался ротный, вытирая рукавом кителя рожу от слюны полковника.

– Вы не умеете работать с людьми! Они пьют потому, что вы идиоты!

– Научите, – утираясь другим рукавом, огрызнулся Мусинский.

– Я вам покажу, как надо работать! – торжественно пообещал проверяющий и выгнал Мусинского из канцелярии.

Спящего солдата подняли, и с распухшим носом он предстал передумудренным жизненным опытом полковником.

– Садись, сынок, – ласково проговорил политработник.

– Спасибо, – ответил, лупая глазками, удивленный солдат.

До этого случая никто так ласково с ним не обращался, никто ни разу за два года службы не предложил присесть на стул в канцелярии.

Обычно после нарушения воинской дисциплины он, получив по соплям в умывальнике, вновь шел нарушать устав.

– Как тебя звать, сынок?

– Вася! – чувствуя, что его не будут бить, весело заявил солдат.

– Вася, почему ты напился? – спросил еще ласковой политработник.

– Не знаю, – произнес, мило улыбаясь, Вася.

– Ты понимаешь, что своим поведением позоришь коллектив?

– Понимаю, – еле слышно признался солдат, опустив голову.

– Вот видишь. Понимаешь. А командир твоей роты сказал, что ты не солдат, а говно! – произнес с волнением в голосе полковник.

У Васи повлажнели глаза, он уже почти полюбил всем сердцем этого седого, умного человека в погонах!

– Сынок! – обратился к нему политработник и завел многочасовую речь о вреде алкоголя, о службе в войсках, о боевом содружестве.

Проверяющий также осветил вопрос о блоке НАТО и ЦРУ, которые так и стремятся подорвать авторитет Красной армии.

А солдат Вася, плача, кивал и кивал головой.

В тот вечер полковник долго не мог уснуть: в ушах у него гремел гимн Советского Союза, в дремоте ему грезился перевоспитанный солдат, стоящий с партийным билетом в руках и поющий интернационал.

Утром же, когда перевоспитанный солдат Вася пошел в город за почтой, полковник лично проводил его до КПП и, пожав руку исправленному солдату, поспешил в роту брать объяснение с Мусинского.

Мусинский сидел под портретом немецкого коммуниста напротив полковника и писал объяснение. Настроение у него было отвратительное.

Карл Маркс со стены гордо наблюдал за притихшим командиром роты.

Неожиданно гнетущую тишину нарушил звонок телефона.

Полковник взял трубку и долго слушал абонента.

Звонили из дежурной части местного райотдела милиции.

Дежурный по РОВД сообщал, что в районе почтамта ими задержан солдат в состоянии алкогольного опьянения, который оказал сопротивление дежурному наряду ППС и кричит сейчас из «клетки», что у него есть друг полковник, который всех уволит.

Еще через час в канцелярию ввели под руки пьяного Васю.

– Товарищ полковник, я вас люблю, – с порога, рыдая, признался он, пытаясь не уронить стулья, подойти и обнять своего старшего товарища.

Политработник в порыве отцовских чувств поднялся из-за стола и, подойдя к нему, врезал Васе со всей силы в подбородок.

Солдатообразное животное с грохотом рухнуло на пол.

– Товарищ полковник?! Вы ударили солдата! – крикнул ехидно Мусинский.

– Он не солдат! А говно! – произнес полковник и, переступив через распластанное Васькино тело, вышел из канцелярии.

Юрик, дослушав майора, громко рассмеялся, ему понравилась байка Барсукова.

Олег внимательно посмотрел на Юркины губы и спросил:

– Ты что, варенье из черники хавал?

– Хуже, – отмахнулся Юрчик и, улыбнувшись, подошел к зеркалу, осмотрев свои зеленые губы.

– А где старшина? – спросил майор, наливая чай.

– Он рожу не может отмыть, – пояснил Юрчик.

– Вы что вдвоем делали, клоуны? – смеясь, спросил Анатолич.

– Зеленки со старшиной нечаянно хапнули, – сознался Юрка.

– Да ну?

– Говорю же, нечаянно!

– Где вы ее нашли?

– В Зинином кабинете.

И Юрка, морщась, кратко изложил суть дела.

Вчера вечером он и старшина остались после работы.

Распив бутылку водки, оба решили, что этого мало. Денег не было. Старшина вспомнил, что где-то в кабинете у Зины должен был стоять спирт.

Прошли туда. Свет включать не стали с целью конспирации (кабинет начальника РОВД, в окне которого горел свет, был напротив).

Старшина, пошарив в темноте, достал какой-то пузырек и, понюхав, произнес: «Он!»
Ждать долго не стали – первым выпил Юрка, запив принесенной минералкой.

После старшина слил остатки в кружку и допил одним глотком содержимое. Довольные, они вышли в камерный блок, где их встретил дружный хохот постовых. Рты у обоих были перепачканы в зеленке.

В темноте пьяный старшина перепутал бутылочки.

И вот сегодня Юрка сидел с зелеными губами, а старшина скоблил дома хозяйственным мылом губы и подбородок.

Глава 12

После обеда Олег задержался в общаге и, придя на работу, обнаружил перемены.

Весь личный состав ОВД стоял на плацу, поднятый по тревоге.

Майор, используя многолетний опыт военного человека, незаметно просочился в ИВС. Дежурный ему рассказал, что отдел подняли по тревоге в учебных целях. Приехавшая комиссия из Хантов «выявляла недостатки».

Барсуков прошел через камерный блок и открыл дверь в свой кабинет.

Надо было постараться не попасться на глаза руководству.

Олег присел на стул.

Посмотрев на полку, он удивленно обнаружил исчезновение дорожной сумки, которую ему отдал на хранение осужденный Лаптев.

Кум, внимательно осмотрев кабинет, догадался о грозящей опасности.

Дело в том, что по приезду комиссии, опасаясь, что будут осматривать помещения, Олег забрал из каптерки два целлофановых мешка с коноплей.

Дичка была обнаружена месяц назад в прогулочном дворике старшиной.

Какие-то «артисты» совершили переброс в надежде, что перед прогулкой дворик не досмотрят. Олег раз десять говорил старшине ИВС, чтобы он ее выкинул, но ленивый прапорщик откладывал на потом и, похоже, дооткладывался.

Вчера, уходя домой, Барсуков положил в зековскую сумку пакеты в надежде, что оперской кабинет досматривать не будут.

Ключей от кабинета было два экземпляра.

Первый у кума ИВС, второй у старшины.

Майор, мило улыбнувшись, злорадно произнес вслух: «Сейчас, сейчас ты, жирная свинья, огребешь!»

А «жирная свинья» стоял на плацу и чмокал зеленоватыми губами, у его правой ноги стояла зековская сумка, которая изображала тревожный чемодан.

Полковник из УВД дал команду к осмотру тревожных чемоданов.

Обходя строй и осматривая содержимое, он делал замечания, которые тут же заносились в записную книжку представителя штаба ОВД.

Проверяющий все ближе и ближе подбирался к старшине, который, как в окно женской бани, наивно разглядывал содержимое сумки.

«Что делать? Что делать?» – трепетно шептали его зеленые губы.

И вот наступил долгожданный момент. Полковник, скользнув взглядом на содержимое тревожной сумки, поднял глаза.

Возле сумки никого не было. Толстый испарился.

– Чья сумка? – произнес с недоумением в голосе проверяющий.

Сумка с пакетами конопли и зековскими трусами стояла одна-одинешенька, а молчание личного состава было гробовым.

Полковник недоуменно пожал плечами и пошел дальше вдоль шеренги.

Из-за угла же гаражей вырисовывалась свинообразная, дрожащая тень.

Личный состав, прослушав пятиминутную речь о повышении боевой готовности, разошелся по рабочим местам, и только дорожная сумка тоскливо стояла на середине плаца.

Полковник еще раз посмотрел на это диво и окрикнул скромно стоящего в сторонке толстого прапорщика:

– Унесите, пожалуйста, кто-то забыл.

– Это не мое! – округлив от ужаса глаза, выпалил старшина ИВС.

– Я знаю, что не ваше. Унесите в дежурную часть.

– Это не мое! – повторил Толстый, дрожа от животного страха.
– Чье же тогда? – злясь, повысил голос полковник.
– Это майора Барсукова, – залепетал старшина.
– Передайте Барсукову, что я объявляю ему благодарность за добросовестное отношение к экипировке тревожного чемодана!

– Не понял? – совсем потерялся в догадках старшина.
– Вы посмотрите, сколько он табака положил!
– Это не табак! – с видом честного человека выпалил старшина.
– А что же? – удивился проверяющий.
Старшина помялся и тихо произнес:
– Анаша!
– Ха! Ха! Ха! – заржал довольный шуткой полковник. Работник штаба, стоящий за куратором, побагровев от гнева и страха, рывкнул из-за спины представителя УВД прапорщику:

– Бегом убрать!!!
Старшина трусцой поскакал к злополучной сумке и, схватив ее за ручки, исчез за углом. Прапорщик, поставив сумку между ног, присел на краешек стула.

Олег посмотрел на Толстого и тихо произнес:
– Ну ты и клоун! Я хренею, дорогая редакция!
– Я сам охренел, – произнес старшина ИВС дрожащим голосом.
– Я уже тебе солнечную сторону по благу приготовил, – подал голос Юрка.
– Какую сторону? – не понимая, переспросил герой дня.
– Камеру, баран, с южной стороны, – улыбнувшись, проговорил Юрик.
– Да уж, – промычал прапорщик.
– Мы-то и в тюрьме выживем с Юркой, а вот тебя, тыловая крыса, в первую же ночь задушат! – ошарашил майор и без того перепуганного прапорщика.
– За что? – удивленно спросил Толстый.
– За то, что храпишь! – расхохотался от своей же шутки кум.
– Как брата прошу! Сожги! – показывая на мешки с коноплей, проговорил, поднимаясь со стула, Барсуков, давая понять, что разговор окончен.

Старшина, взяв пакеты, прошел на прогулочный дворик и путем сжигания уничтожил содержимое тревожного чемодана.

Утром на имя майора Барсукова поступило порядка тридцати заявлений от содержащихся в ИВС. И каждый вызываемый считал своим конституционным долгом по секрету доложить, что вчера вечером дежурный наряд курил анашу.

Все уверяли майора, который делал вид, что верит каждому слову собеседника о том, какой вкусный духан стоял всю ночь на продоле.

Значит, разведка в ИВС была поставлена на должном уровне.

Поднявшись в кабинет начальника ИВС, Барсуков узнал от Юрика, что звонил прокурор и просил Барсукова прибыть к 12 часам в прокуратуру.

«Я не Павлик Морозов, молчать не буду», – сказал Олег притихшему старшине, который наконец-то отмыл губы от зеленки.

В прокуратуре прокурор долго разговаривать не стал, а, отдав жалоб у адвоката Приходько, попросил разобраться и доложить в письменном виде.

Жалоба была написана по поводу необоснованного отказа в свидании с арестованным.

Это являлось наглостью.

К адвокату Приходько, как к бывшему следователю, отношение со стороны руководства ИВС было лояльное. Он часами мог пропадать в следственной комнате, в то время как другие адвокаты скромно стояли в очереди.

Посоветовавшись с возмущенным Юркой, майор принял решение поставить «зарвавшегося» юриста на место.

Быстро был составлен план мероприятий, распределены обязанности, и уже при проведении вечерней оправки появились первые всходы.

Юрка, проводя оправку, шутил с арестованными и рассказывал, как адвокат Приходько в Хантах проиграл процесс, в результате чего всем подсудимым навесили срока от семи до двенадцати лет.

Старшина на вопрос «Почему не приносят передачи?» посоветовал обратиться к Приходько, который загрубил начальнику РОВД.

«Внештатные помощники» Барсукова шептали в камерах, что ментовский адвокат Приходько все тайны рассказывает операм.

Проведены были еще кое-какие мероприятия, про которые автор не имеет права рассказывать широкой публике.

Теперь Приходько приходилось часами толкаться перед входом в ИВС.

На беседы к нему заявлений становилось все меньше и меньше.

Юрик в разговоре с ним делал наивное лицо и потом с радостью докладывал Анатоличу, как адвокат ему жаловался, что наступила напряженка с клиентурой.

Барсуков же как бы невзначай встретил маму подследственного Маношкина и, сделав озабоченное лицо с сочувствием в голосе, завел разговор:

– Как ваш-то?

– Скоро суд! Волнуюсь я! – доверительно поведала любящая мама.

– Адвокату много отвалили? – наивно поинтересовался майор.

– Семь, – расстроено проговорила Маношкина.

– А кто адвокат?

– Приходько.

– Ой! – произнес Барсуков, изображая зубную боль.

– А что?

– Да так, ничего, только. да ладно, – проговорил бессвязно Барсуков.

Мать Маношкина насторожилась, ей во что бы то ни стало надо было узнать, что означает произнесенное заботливым майором «только. да ладно».

– Грамотный он адвокат, хороший, – сказал, как бы спохватившись, майор.

– Анатолич, расскажи, ты ведь что-то знаешь, – слезно попросила мама.

– Я по секрету тебе скажу, только ты никому! Поняла? – произнес Барсуков, переходя на шепот.

– Поняла, – так же шепотом поклялась самая склочная в городе баба.

– Он вчера с прокурором по пьянке подрался, теперь всем его подзащитным хана!

– Ой, батюшки! – простонала маманя арестованного.

– Отказывайся от этого дятла, пока не поздно, а не то угорит твой сынуля лет на десять.

– Да неудобно, ведь деньги заплачены.

– Забирай и найми другого! Тебе что, сын недорог?

Еще поговорив немного для приличия, Барсуков, попрощавшись, расстался с матерью подсудимого.

В день приема передач пришедший с разведки Юрик доложил о том, что перед дверями ИВС идет жаркое обсуждение известной нам личности. Через неделю в канцелярию суда поступило около шести заявлений об отказе от адвоката.

А уже через месяц Приходько перешел с «Мальборо» на «Петр I».

Открывая по привычке холодильник, в котором когда-то находились шпроты и сервелат, он, вздыхая, тихо закрывал двери пустого агрегата.

Удача «почему-то» отвернулась от него, начались времена безденежья и долгов.

Глава 13

Старшина с Юриком втихаря перемигивались.

Барсуков, перехватив взгляд прапора, понял, что после обеда он может обоих не увидеть.

– Юрик, распитие спиртного без кума – это пьянка, – проговорил Олег.

– А с кумом – мероприятие, – подхватил было прапорщик.

– А со старшиной – голимое палево.

– Обижаешь, начальник! – возразил Толстый.

– С тобой или в навоз, или в Красную армию обязательно вступишь!

– Или зеленки хапнешь! – подхватил Юрик и по секрету добавил: – У меня очко до сих пор зеленое!

– Что там очко, его не видно, – проговорил кум, – вот у нас на «Жаман-сопке» была хохма так хохма!

И Барсуков начал травить очередную байку из своего неиссякаемого «золотого фонда»:

– В лагерь особого режима привезли растворитель.

Директор завода, не подумав, принял решение завести его на склад, который находился в производственной зоне ИТК. Полосатики в течение часа разгрузили КамАЗ. Бочки с растворителем закатили на склад и сдали под ответственное хранение кладовщику.

Кладовщик, у которого за ушами было лет двадцать отбытого срока, расписался в накладных и закрыл склад на навесной замок.

Вечером сидя в «кондейке» и распивая чифир со своим семейником, кладовщик как бы невзначай вспомнил о растворителе.

Семейник спросил:

– Какой марки растворитель?

Кладовщик, посмотрев в накладные, назвал марку.

– Я твой родственник! – воскликнул, обрадовавшись, друг кладовщика.

– Чему радоваться-то? Водяры бы таз! – мечтательно произнес, попивая крепкий чай, зек.

– На малолетке его литрами жрали, мля буду! – уверенно произнес собеседник.

– Ну-ка давай кружку, я сгоняю за пойлом, – засуетился кладовщик.

Семейник двумя глотками покончил с чифиром и протянул ему кружку.

Полосатик, взяв тару, вышел из «биндюги».

Через несколько минут на столе стояла алюминиевая кружка с растворителем, который зелеными зайчиками переливался под светом электрической лампочки.

– Ну, давай, делай по красоте, – проговорил кладовщик, поддвигая другу кружку с ацетоном, и шутя предупредил: – Токмо осторожней! Там иногда гвозди попадаются!

Семейник, не думая, намахнул полкружки и стал судорожно хватать ртом воздух. Его зековская морда стала темно-синего цвета. Минут пять он боролся за свою потерянную для советской власти жизнь. Постепенно закаленный многочисленными отсидками организм выбрался из состояния клинической смерти.

Семейник отдышался и, прикурив беломорину, посмотрел захмелевшим взглядом на своего друга.

– Ну как? – спросил тот в свою очередь.

– Мазева! – прохрипел обожженным языком осужденный.

– Я в натуре подумал, что ты сейчас лапы надуешь! – отходя от испуга, усмехнулся кладовщик, все еще не веря, что его друг выжил.

Великая тяга к горячительным напиткам подавила чувство страха. И кладовщик, тоже взяв кружку с остатками растворителя, примерившись в мгновение ока, с шепотом «помогите» влил себе в пасть ядовитую жидкость.

Лицо кладовщика пошло синими трупными пятнами, глаза самопроизвольно закрылись. Наколка на веках «Не буди» стала ярко-красного цвета.

Несчастный, погоняв жидкость из желудка в рот и обратно, с трудом подавил рвотный рефлекс.

– Э-э-эс. Гм. Э-э-эс.

Напарник равнодушно смотрел на муки друга, который, открыв широко рот, дышал так, как будто вынырнул из воды. На нижней губе и на подбородке пузырилась серо-белая масса.

Семейник, присмотревшись, истерически захохотал:

– Ха! Ха! Ха! Гвозди попались!!!

– Ты фто, бля? Погнал? – шепелявя, прохрипел хозяин склада.

– Ты ф зеркало посмотри! – передразнивая приятеля, еще пуще расхохотался семейник.

Кладовщик подошел к куску зеркала, висевшего на стене, и онемел. Его беззубый рот ошетинился множеством торчащих гвоздиков-проволочек; это пластмассовая вставная челюсть расплавилась и, шипя, пузырилась на подбородке. Поверхность же лакированного столика, в местах соприкосновения с мокрой кружкой, стала бледно-матового цвета, от нее шел легкий синий дымок.

– Они-то как? Выжили? – спросил старшина ИВС.

– А че им будет, они же зеки! – уверенно произнес Юрчик.

– Не все зеки плохие, многие ни за что сидят. Поэтому иногда и их жалеть надо, – улыбаясь и прикуривая очередную сигарету, внезапно объявил Барсуков.

– Например? – удивился Юрик.

– Анекдот слышал про водителя автобуса, которому не за что дали пятнадцать лет, но он был настоящим мужиком! – проговорил Барсуков.

– Давай расскажи, – попросил кума старшина.

– Короче. В зоне умер зечара. Вечером собрались его семейники помянуть.

Раздобыли бражки, разлили в кружки. Просят произнести тост самого лучшего друга.

– А что я скажу? – пожимая плечами, удивляется друг умершего.

– Ну скажи, что он жил мужиком, умер мужиком.

Зек встал и произнес речь:

– Братья! Сидоров родился мужиком, жил мужиком и умер как мужик. Он даже срок заработал как мужик – во сне, водителем троллейбуса! – И, выпив содержимое кружки, смахнув слезу, с ненавистью в голосе закончил: – Не то что те сорок восемь пассажиров, которые перед смертью в штаны наложили!

Юрка, смеясь, спросил у Олега:

– А водитель почему выжил?

– Потому что был ранее судимый! – объявил, рассмеявшись, Барсуков.

Сослуживцы еще часа два припоминали случаи живучести арестантов. При этом старшина как-то незаметно к соленым огурцам выставил бутылку на стол, и на этот вопиющий факт нарушения служебной дисциплины никто не обратил внимание.

Под конец «мероприятия» Барсуков поведал еще одну байку о том, как в молодости спас каторжанина от смерти.

– Я тогда был зам. по контролерской и проходил службу там же, в поселке Горный Северо-Казахстанской области, в простонародье Жаман-сопка, – вспоминал он. – Звонит командир роты Еськин и приказывает, чтобы я выделил конвой для конвоирования тяжелобольного в СИЗО-18 г. Петропавловска.

Я ему и ответил, что людей у меня нет. А он говорит: «Тогда сам езжай». Дело в том, – продолжал рассказ майор, – что ночью арматурными ломиками зеки забили лагерного каталу, то есть картежника. Он то ли кому задолжал, или что-то не поделили, сейчас уж и не помню. Только слышал я, что ночью два моих контролера пошли на промку за кустаркой и наткнулись на полуживого осужденного.

Те, кто зека избил, тащили его в кочегарку сжигать, но, заметив дубаков, разбежались, оставив на тропинке переломанное тело.

Осужденного свозили в районный центр Корнеевка.

Врач, осмотрев, развел руками и произнес: «Не проживет и трех суток. Везите или в Петропавловск, или назад в зону».

Смерть в лагере – ЧП, и руководство решило, что если он помрет дорогой, то всю вину можно свалить на конвой. Тем самым обезопасить себя.

В итоге ваш покорный слуга, майор медицинской службы «Ваня-Ваня», и вольнонаемный водитель после инструктажа, загрузив носилки с полутрупом, выехали в Петропавловск.

В медицинском узике я оказался вместе с зеком. Ваня и водитель сидели впереди за перегородкой.

«Мои мысли, мои скакуны! Есаул, есаул, что ж ты бросил коня!» – разливалась песня хитового сборника через открытые окна «таблетки».

Узик трясло на кочках, осужденный в носилках постоянно подпрыгивал и норовил вывалиться на пол. Я, закинув автомат за спину, со всей силы держал его за локти, придавливая к носилкам.

Зечара от тряски пришел в сознание.

Приехав в Петропавловск, мы сдали еще живого осужденного в СИЗО. Но нам сказали, что СИЗО принимает безнадежного только на ночь, и если он до утра дуба не даст, то утром мы должны его погрузить на проходящий столыпин.

Так как я родом из Петропавловска, естественно, поехали к моим родителям. Всю ночь мы гудели на радостях, что отмазались от смертника.

Утром с бодуна подъехали к СИЗО и с великим удивлением узнали, что наш безнадежно больной все еще жив.

Два толстых, как наш старшина, охранника выволокли носилки за КПП.

Зек мило улыбался.

Медик ИТК Иван Иванович вслух недоуменно спросил:

– Ты еще жив, бродяга?

– Чуть от холоду не сдох! Они меня, суки, всю ночь на полу в шлюзе продержали, суки.

– Наверное, думали, что так ты быстрее остынешь, – улыбнувшись, сказал Иван.

К скорой подошел зам. начальника УВД области.

Он объявил Иван Ивановичу о том, что в столыпин зека не берут и нам необходимо своим ходом выдвинуться в г. Курган. А осмотрев переломанного каторжанина, отходя от узика, безнадежно проговорил: «И пятнадцати минут не протянет».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.